

И Р В И Н

ШОУ

ЛЮСИ КРАУН

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Эксклюзивная классика (АСТ)

Ирвин Шоу
Люси Краун

«Издательство АСТ»

1956

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Шоу И.

Люси Краун / И. Шоу — «Издательство АСТ»,
1956 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-108203-1

Брак Оливера и Люси Краун был образцом для подражания, предметом зависти соседей и друзей. Оливер – успешный богатый бизнесмен, Люси — красивая покорная жена, нежно любящая мать, ради семьи оставившая работу. Однако для того, чтобы понять, что их счастливый брак всего лишь иллюзия, потребовалось пятнадцать лет — и всего одно роковое лето. Оливер решает на все лето нанять гувернера для сына Тони, чтобы помочь мальчику оправиться от недавно перенесенной тяжелой болезни. За эту работу берется двадцатилетний студент по имени Джеф — и вместе с ним в жизнь Люси врывается нежданная любовь. И что это — безумная вспышка страсти, которая сгорает, не оставив следа? Неосознанный бунт женщины, подавленной самодовольной властью мужа? Или трагедия непонимания и обиды, которой стала эта связь для случайно узнавшего о ней Тони?.. В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-108203-1

© Шоу И., 1956
© Издательство АСТ, 1956

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	11
Глава третья	23
Глава четвертая	29
Глава пятая	34
Глава шестая	38
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Ирвин Шоу Люси Краун

Irwin Shaw

LUCY CROWN

Печатается с разрешения наследников автора и литературных агентств The Sayle Literary Agency и The Marsh Agency Ltd.

© Irwin Shaw, 1956

© Перевод. А. Е. Герасимов, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

* * *

Посвящается Саксу Камминсу

Глава первая

В то время во многих барах и ночных клубах города звучала песня: «Я люблю Париж весенний, я люблю Париж осенний...» Это было в июле, в два часа ночи, когда бутылка шампанского подавалась за восемь тысяч франков, и певцы изо всех сил старались убедить туристов в том, что Париж стоит этих денег.

Негр с широким лицом гарлемского трудяги пел, сидя у желтоватого пианино в глубине длинной узкой комнаты. В дверях бара появилась женщина. Громкая музыка и нескромные взгляды сидящих у стойки заставили ее остановиться в нерешительности у входа. Хозяин бара, угадав в превосходно одетой и трезвой посетительнице американку, улыбаясь, вышел ей навстречу.

– Добрый вечер, – произнес он.

Хозяин говорил по-английски – бар его находился в восьмом районе, и американцы составляли значительную часть его клиентуры, особенно летом.

– Мадам одна?

– Да, – ответила женщина.

– Сядете у стойки или за столиком?

Женщина быстро оглядела стойку. Там расположились четверо мужчин разных возрастов – двое из них беззастенчиво разглядывали посетительницу – и девушка с длинными золотистыми волосами, которая говорила соседу: «Чарли, дорогой, повторяю четвертый раз – сегодня я уйду с Джорджем».

– За столиком, если можно, – сказала женщина.

Хозяин повел ее в центр комнаты, на ходу оценивая посетительницу наметанным глазом. Он решил усадить ее рядом с тремя другими американцами, двумя мужчинами и женщиной, немного шумными, но приличными людьми, которые все время заказывали пианисту «Леди из Сент-Луиса». Поскольку женщина пришла одна, а время было позднее и американцы не владели французским, у них вполне могло возникнуть желание угостить даму.

«Готов поспорить, в молодости она была недурна, – подумал хозяин. – И сейчас очень хороша. Натуральная блондинка с крупными нежными серыми глазами. Почти без морщинок. Умеет одеваться и преподносить себя. Длинные ноги. Обручальное кольцо, но пришла одна. Видно, муж пал жертвой *tourisme*¹ и переедания и свалился в гостинице, а жена полна энергии и жаждет подлинного Парижа, а может быть, и пикантного приключения, на которое она уже не может рассчитывать у себя дома, на американском Среднем Западе».

Хозяин подвинул столик для гостыи, с одобрением рассматривая прямые плечи, крепкую шею и грудь, элегантное, хорошо сшитое черное платье, приятную, почти девичью благодарную улыбку, с которой садилась женщина. Он пересмотрел свою первую оценку. На вид не старше сорока трех – сорока четырех, решил он. Возможно, приехала без мужа. Деловая женщина – таких немало среди американок.

Вся жизнь в разъездах, перелетах, интервью, и при этом в любых обстоятельствах всегда причесана волосок к волоску.

– Полбутылки шампанского, мадам? – спросил хозяин.

– Нет, благодарю.

Хозяину понравился тембр ее голоса. У него был тонкий слух, и часто американская и английская речь резала ему ухо. Голос женщины звучал негромко, мелодично и естественно.

– Пожалуйста, бутерброд с ветчиной и бутылку пива.

Хозяин поднял брови, изобразив на лице удивление, даже некоторое недовольство.

¹ Здесь: осмотр достопримечательностей (*фр.*). – Здесь и далее примеч. пер.

– Понимаете, мадам, у нас установлена минимальная плата за заказ, которая включает в себя стоимость нескольких напитков, поэтому я предложил бы...

– Нет, спасибо, – решительно отказалась женщина. – В гостинице мне сказали, что у вас можно перекусить.

– Конечно, конечно. У нас есть *specialite*² – луковый суп с гренками, приготовленный...

– Спасибо, мне один бутерброд.

Хозяин пожал плечами, слегка поклонился, отдал заказ официанту и вернулся на свое место за стойкой. «Неужели она пришла сюда в такой час ради бутерброда с ветчиной?» – подумал он.

В промежутках между приемом новых посетителей и проводами уходящих он посматривал на нее. Одинокие женщины появлялись в его баре в два часа ночи не первый раз, и почти всегда он знал, что им надо. Это были алкоголички, у которых уже не осталось денег на выпивку, необузданные молодые американки, хватающие от жизни все, что попадется под руку, – до тех пор пока папа не отберет у них чековую книжку и не посадит на корабль; попадались среди них разведенные, живущие на алименты женщины, которые ежеминутно ощущали приближение старости, – эти страшились возвращаться вечером одни в свои гостиничные номера из-за боязни самоубийства. Ночной клуб, конечно, должен бурлить разгульной жизнью, и хозяин делал все, что мог, для поддержания видимости, но он-то знал цену этому веселью.

Женщина неторопливо жевала бутерброд, запивая пивом; она, конечно, не походила ни на буйную молодую американку, ни на алкоголичку и, судя по одежде, отнюдь не перебивалась алиментами. Если она и была одинока, то не показывала это. Хозяин увидел, что американцы повернулись и, как он и предполагал, заговорили с ней; они старались перекрыть музыку, но она вежливо улыбнулась и покачала головой, отказываясь от какого-то их предложения, и они оставили ее в покое.

Ночь тянулась медленно, и у хозяина было время размышлять об этой женщине. Она слушала пение, откинувшись в кресле, а он, изучая ее сквозь завесу сигаретного дыма, вспоминал двух женщин, которые, как он понимал с самого начала, были для него слишком хороши. Женщины тоже знали это, и поэтому хозяин думал о них с романтической грустью и посылал последней из них, вышедшей замуж за полковника французских ВВС, цветы ко дню рождения. «У нее редкое сочетание мягкости и уверенности в себе, – подумал хозяин. – Почему она не зашла сюда десять лет назад?»

Затем ему пришлось выйти на кухню. Проходя мимо столика американки, хозяин улыбнулся ей; она ответила ему, и он обратил внимание на белизну ее слегка неровных зубов и свежесть кожи. В дверях кухни он удивленно покачал головой, подумав: «И как такую женщину занесло в мою дыру?»

Он решил на обратном пути остановиться у ее столика, угостить и попытаться выяснить это.

Вернувшись с кухни, он увидел, что двое американцев перебрались из угла комнаты к ее столику; они оживленно разговаривали, женщина улыбалась то одному, то другому. Иногда, обращаясь к более симпатичному юноше, она касалась пальцами его руки.

Хозяин прошел мимо. «С ней все ясно, – подумал он. – Любит молодых». Ему показалось, будто его предали, осквернив воспоминания о двух женщинах, которые были слишком хороши для него.

Вернувшись за стойку, он старался больше не смотреть на женщину. Студенты, сделал вывод он. И один к тому же в очках. Всех коротко остриженных американцев моложе тридцати пяти хозяин считал студентами, но эти – долговязые, тощие, с руками и ногами вдвое большими, чем у любого француза, казались самыми истинными, неподдельными представи-

² Фирменное блюдо (фр.).

телями. «Мягкая и уверенная в себе, – подумал он, обманутый первым впечатлением. – Черта с два!»

На полчаса хозяин отвлекся от своих мыслей, встречая и провожая многочисленных посетителей. Затем наступила небольшая передышка, и он снова посмотрел на женщину. Она по-прежнему сидела с молодежью, парни болтали, не умолкая, но американка уже не слушала их. Подавшись вперед, она внимательно смотрела в направлении стойки.

Сначала хозяину показалось, что она наблюдает за ним, и он чуть улыбнулся – вежливый знак симпатии. Не увидев ответа на лице женщины, он понял, что она смотрит не на него, а на человека, сидящего за стойкой.

Хозяин бросил взгляд на мужчину и подумал с легкой горечью: «Ну конечно». Это был американец по фамилии Краун – молодой человек лет тридцати, с тронутыми сединой волосами, высокий, но не чрезмерно, как те двое. В его больших серых глазах с густыми черными ресницами застыла настороженность, а пухлые, причудливо изогнутые губы выдавали досадное безволие их обладателя, источник многих бед. Хозяин знал его, как и сотню других людей, которые заходили в бар несколько раз в неделю. Хозяин помнил, что Краун живет неподалеку, что в Париже он уже давно, и заходит выпить обычно поздней ночью, один. Пил он мало, не больше двух рюмок виски, хорошо говорил по-французски; женщины постоянно засматривались на него, но это не вызывало у Крауна излишнего самодовольства.

Хозяин подошел к Крауну и поздоровался с ним за руку, обратив внимание на его загар.

– Добрый вечер, – сказал он. – Давненько вас не видел. Где пропадали?

– В Испании, – ответил Краун. – Я вернулся три дня назад.

– А, вот откуда такой загар, – сказал хозяин и огорченно коснулся своей щеки. – А я совсем зеленый.

– Самый подходящий цвет для ночного клуба. Не расстраивайтесь, – серьезно сказал Краун. – Клиенты чувствовали бы себя здесь неудобно, если бы на ваших щеках горел румянец. Они заподозрили бы что-то неладное.

Хозяин рассмеялся.

– Может, вы и правы. Позвольте вас угостить, – сказал он и махнул рукой бармену.

– В этом заведении действительно есть что-то подозрительное, – сказал Краун. – Смотрите, как бы кто-нибудь не донес в полицию, что вы угощаете американца.

Да, сегодня он уже изрядно принял, подумал хозяин и сделал бармену знак глазами, чтобы тот приготовил что-нибудь послабее.

– Вы ездили в Испанию по делам? – спросил хозяин.

– Нет, – ответил Краун.

– За удовольствиями?

– Нет.

Хозяин заговорщически улыбнулся.

– Женщина...

Краун усмехнулся.

– Люблю беседовать с вами, Жан, – сказал он. – Как это мудро – отделить женщину от удовольствий. – Он покачал головой. – Нет, женщина тут ни при чем. Я ездил туда потому, что не знаю испанского. Хотелось немного подзарядиться, а нигде так не зарядишься, как там, где ты не понимаешь никого и никто не понимает тебя.

– Многие туда ездят, – согласился хозяин. – Сейчас Испания всем нравится.

– Конечно, – сказал Краун, потягивая напиток. – Бедная, плохо управляемая страна с малочисленным населением. Как ее не любить?

– Вы шутник, мистер Краун.

Краун серьезно кивнул головой.

– Да уж, – сказал он, опустошил бокал и положил пятьдесят франковую купюру за выпитое им до того, как хозяин подошел к нему. – Если у меня когда-нибудь будет бар, приходите, Жан, я тоже угощу вас.

Пока американец ждал сдачу, хозяин оглядел комнату и увидел, что женщина, сидящая со студентами, пристально смотрит на Крауна.

«Этот не про вашу честь, – злорадно подумал хозяин. – Держитесь своих студентов».

Он проводил Крауна до двери и вышел на улицу глотнуть свежего воздуха. Краун постоял минуту, разглядывая здания, темнеющие на фоне звездного неба.

– Когда я учился в колледже, – сказал он, – я думал, что Париж – город радости.

Он повернулся к хозяину и пожал ему руку на прощание.

Вдыхая прохладный воздух, хозяин смотрел вслед медленно удаляющемуся по безлюдной улице Крауну. Американец, взрывая безмолвие спящего города гулким постукиванием своих каблуков, казался хозяину грустным, терзаемым сомнениями человеком. Странное сейчас время, подумал хозяин, глядя вслед уменьшающейся фигуре, попавшей в отсвет уличного фонаря. Плохое время для одинокого человека. Интересно, как бы выглядел сейчас Краун на улице в Америке.

Хозяин вернулся в бар и недовольно нахмурился, ощутив густоту табачного дыма. Пройдя за стойку, он увидел, что женщина встала и стремительно направилась к нему, оставив студентов в растерянности и недоумении.

– Не могли бы вы помочь мне? – сказала она.

Ее голос звучал напряженно, он словно неохотно подчинялся ей, лицо казалось безжизненным и возбужденным одновременно – ночь оставила на нем свою печать.

«Я ошибся, – решил хозяин, вежливо улыбаясь. – Ей уже порядком за сорок пять».

– К вашим услугам, мадам.

– Тот человек, что стоял здесь, – сказала женщина. – Вы с ним вышли...

– Да?

Хозяин посмотрел на нее настороженно, выжидательно; Господи, в ее-то возрасте, подумал он.

– Не знаете, как его зовут?

– Хм... дайте вспомнить.

Желая помучить ее, хозяин сделал вид, будто вспоминает, возмущенный этим явным и непристойным преследованием, оскорбляющим память тех двух его женщин.

– Кажется, знаю, – сказал он. – Краун. Тони Краун.

Его собеседница закрыла глаза и схватилась за стойку, словно боялась упасть. Пораженный хозяин увидел, как через мгновение она открыла глаза и легким нетерпеливым движением оттолкнулась от бара.

– Вам известно, где он живет? – спросила женщина.

Ее голос звучал теперь спокойно, и хозяин с удивлением почувствовал: если он скажет – нет, женщина испытает облегчение.

Он пожал плечами и дал адрес. Учить людей правилам хорошего тона не входит в его обязанности. Он содержит бар и, значит, должен заботиться о том, чтобы клиенты оставались довольны. Если для этого нужно сообщить стареющей женщине адрес молодого человека – что ж, это их дело.

– Вот, – сказал он, – я вам запишу.

Он набросал адрес на листке и вырвал его из блокнота. Она взяла бумажку, и он заметил по вибрации листка, что руки у нее дрожат.

И тут он не смог удержаться, чтобы не сказать гадость:

– Разрешите дать вам совет, мадам, – прежде позвоните. А еще лучше, напишите. Мистер Краун женат. На очаровательной особе.

Женщина посмотрела на него так, словно не поверила своим ушам. Затем она рассмеялась – легко, непринужденно, музыкально:

– Глупый вы человек. Это мой сын.

Она сложила листок, внимательно посмотрев на него, и спрятала в сумочку.

– Спасибо, – сказала она. – Всего хорошего. Счет я уже оплатила.

Он поклонился и проводил ее взглядом, чувствуя себя болваном.

Американцы, подумал он, самые загадочные люди на земле.

Глава вторая

Заглядывая в прошлое, мы отыскиваем тот поворотный момент, когда русло нашей жизни повернуло в сторону, момент начала необратимого движения в новом направлении. Перемена может быть следствием целенаправленных действий или случайной; мы оставляем за спиной счастье или горе, устремляемся к новому счастью или же к еще большему горю, но пути назад нет. Это может быть миг, когда вы чуть-чуть повернули руль автомобиля, переглянулись с кем-то, произнесли фразу; это может быть длинный день, неделя или сезон мучительных сомнений, когда руль многократно поворачивается из стороны в сторону, и незначительные в отдельности события накладываются одно на другое.

Для Люси Краун это было лето.

Оно начиналось, как любое другое.

По округе разносился стук молотков – дачники затягивали окна сетками от насекомых, и на воду для удобства первых купальщиков спускались плоты. В спортивном лагере, разбитом на берегу озера, пропалывали бейсбольную площадку, каноэ размещались на стойках, а на флагштоке перед столовой водружали новый позолоченный мяч. Владельцы двух гостиниц в мае заново покрасили здания – шел 1937 год, и даже в Вермонте казалось, что Великая депрессия осталась позади.

В конце июня, когда Крауны – Оливер, Люси и Тони, которому в то лето исполнилось тринадцать лет, – выехали на дачу, арендуемую второй год подряд, они сразу погрузились в радостную атмосферу предпраздничного ожидания, царившую на озере. Радость обостряло и то обстоятельство, что Тони наконец-то выздоровел после тяжелой болезни.

Оливер располагал до возвращения в Хартфорд только парой недель, и он посвящал большую часть времени Тони – рыбачил с ним, плавал, гулял по лесу; он пытался, как можно деликатнее, дать сыну возможность почувствовать себя здоровым тринадцатилетним подростком, не превышая уровень нагрузок, установленный для Тони семейным врачом Сэмом Паттерсоном.

И вот эти две недели подошли к концу. В воскресенье чемодан с вещами Оливера уже стоял на веранде коттеджа. Вокруг озера сновали автомобили – отяжелевшие после воскресного обеда мужья, жмурясь от солнца, садились в машины, чтобы вернуться в город, где они работали; согласно американской традиции самые длинные каникулы у тех, кто в них меньше всего нуждается.

Оливер и Паттерсон расположились в полотняных шезлонгах на лужайке под кленом, лицом к воде. В руках они держали бокалы с виски, разбавленным содовой, и время от времени покачивали их, наслаждаясь позвякиванием льдинок о стекло.

Мужчины выделялись высоким ростом, их объединяло одинаковое социальное положение и уровень образования, но они заметно разнились характерами. Атлетически сложенный Оливер был быстр, точен и энергичен в движениях. Паттерсон, похоже, уделял недостаточно внимания своему физическому состоянию. Его сутулость казалась естественной, и даже когда он сидел, вас не отпускало ощущение, что ходит он слегка сторбившись. Тяжелые ленивые веки постоянно прикрывали его глаза, из уголков которых исходили морщинки, порожденные смехом. Брови у него были густые, нависающие, непокорные, а волосы – жесткие, неровно подстриженные, изрядно тронутые сединой. Оливер, превосходно знавший Паттерсона, сказал как-то Люси, что, вероятно, однажды Паттерсон посмотрел на себя в зеркало и трезво рассудил, что он может остаться заурядно красивым, как актер на вторые роли, или же немного распустить и смириться с интересной проседью. «Сэм – умный человек, – одобительно говорил Оливер, – он выбрал седину».

Оливер уже оделся для города. Он был в костюме из легкой полосатой ткани и голубой рубашке; его голова заросла, потому что, находясь в отпуске, он не утруждал себя хождением к парикмахеру; за время, проведенное на озере, он покрылся ровным загаром. Глядя на него, Паттерсон подумал, что сейчас, когда благотворное двухнедельное воздействие природы на организм оттеняется по-городскому деловым костюмом, Оливер особенно хорош. Ему следует отпустить бороду, лениво подумал Паттерсон, с ней он выглядел бы еще более впечатляюще. Он похож на человека, который занят сложным, важным и даже опасным делом, этаким командир-кавалерист армии конфедератов времен Гражданской войны. «Если бы при такой внешности, – решил Паттерсон, – я всего лишь управлял типографией, доставшейся мне по наследству от отца, я испытывал бы чувство неудовлетворенности».

Возле дальнего берега озера, где полая гранитная скала сползала в воду, виднелись крошечные фигурки Люси и Тони, покачивающихся в маленькой лодочке. Тони удил рыбу. Люси не хотела плыть с ним из-за скорого отъезда мужа, но Оливер настоял на обычном распорядке дня – не только ради сына, но и потому, что замечал в Люси склонность придавать чрезмерное значение встречам, проводам, дням рождения и праздникам.

Паттерсону еще предстояло зайти в гостиницу, которая находилась в двухстах метрах от коттеджа, чтобы собрать вещи и сменить вельветовые брюки и рубашку с короткими рукавами на костюм. Летний домик был тесен для гостей.

Когда Паттерсон предложил приехать на уик-энд, чтобы осмотреть Тони, избавив Люси от необходимости возвращаться для этого в Хартфорд в середине лета, Оливера тронуло такое внимание со стороны друга. Но когда Краун увидел остановившуюся в гостинице миссис Уэлс, его благодарность убавилась. Миссис Уэлс, аппетитная брюнетка со стройной фигурой и живыми глазами, прибыла из Нью-Йорка. Паттерсон не реже двух раз в месяц находил предлоги посещать этот город без жены. Миссис Уэлс приехала в четверг, на день раньше Паттерсона, и собиралась прожить здесь до вторника. На людях Паттерсон и миссис Уэлс держались строго, без вольностей. Но Крауна, дружившего с Паттерсоном, записным любителем хорошеньких женщин, трудно было провести. Сдержанность не позволяла Оливеру произнести что-нибудь вслух на этот счет, но его признательность Паттерсону за визит в неблизкий Вермонт угасла, уступив место дружескому, хотя и циничному любопытству.

Из спортивного городка, находившегося на другом берегу озера, в полумиле от коттеджа, донеслись негромкие звуки горна. Потягивая напитки, мужчины слушали их, пока они не замерли над водой.

– Как архаично звучание горна, правда? – сказал Оливер и посмотрел в сторону маленькой лодочки с женой и сыном, виднеющейся возле кромки тени, которую отбрасывала гранитная скала. – Побудка, сбор, спуск флага, отбой...

Он покачал головой.

– А еще называется – подготовка нового поколения к завтрашнему дню.

– Лучше бы они включали сирену, – сказал Паттерсон. – Всем в укрытие. Воздушная тревога. Отбой воздушной тревоги.

– Разве ты не оптимист? – добродушно спросил Оливер.

Паттерсон усмехнулся:

– В душе – да. Но мрачные доктора внушают больше доверия пациентам. Я не могу устоять перед соблазном.

Они посидели в тишине, вспоминая смолкнувшие звуки, мысленно рисуя картины старинных войн, менее жестоких, чем современные. Телескоп Тони лежал на траве возле Оливера, он лениво поднял его, поднес к глазам и навел резкость. В окуляре трубы лодка стала более крупной, отчетливой, и Оливер увидел, что Тони сматывает удочки, а Люси начинает грести к дому. На мальчике был красный свитер, несмотря на летнее солнце. Люси загорала в купальном костюме, ее шоколадная спина темнела на фоне голубовато-серого гранита. Она

гребла ровно и уверенно, иногда случайно вспенивая веслами гладь озера. «Мой корабль приближается к причалу», – подумал Оливер и улыбнулся тому, что маленькая лодочка породила в сознании торжественную картину прибытия океанского лайнера.

– Сэм, – сказал Оливер, не отрывая телескопа от глаза, – у меня к тебе просьба.

– Какая?

– Прошу тебя повторить Люси и Тони все, что ты сказал мне.

Паттерсон, казалось, дремал. Он лежал в кресле с прикрытыми глазами, уткнув подбородок в грудь и вытянув ноги.

– И Тони тоже? – пробормотал он.

– Обязательно, – сказал Оливер.

– Ты уверен, что это необходимо?

Оливер опустил телескоп и решительно кивнул:

– Абсолютно. Он нам полностью доверяет... пока.

– Сколько ему сейчас лет? – спросил Паттерсон.

– Тринадцать.

– Поразительно.

– Что именно?

Паттерсон снова усмехнулся:

– В наше-то время. Тринадцатилетний мальчик, верящий своим родителям.

– Ну, Сэм, – сказал Оливер, – теперь ты изменяешь себе ради эффектной фразы.

– Возможно, – охотно согласился Паттерсон.

Он потягивал напиток, глядя на лодку, плывущую вдали от берега среди солнечных бликов.

– Люди всегда просят докторов сказать им правду, – произнес он. – А когда они выслушивают ее... слишком многие жалеют о своей просьбе, Оливер.

– Скажи мне, Сэм, – обратился Оливер к другу, – ты всегда говоришь правду, когда тебя просят?

– Редко. Я придерживаюсь другого принципа.

– Какого?

– Принципа щадящей целительной лжи, – пояснил Паттерсон.

– Я не верю в существование целительной лжи, – возразил Оливер.

– Ты же северянин, – сказал, улынувшись, Паттерсон. – Не забывай, я родом из Виргинии.

– Ты не более виргинец, чем я.

– Положим, – сказал Паттерсон, – мой отец родом из Виргинии. Это накладывает отпечаток.

– Где бы ни родился твой отец, – сказал Оливер, – иногда ты должен говорить правду, Сэм.

– Согласен.

– В каких случаях?

– Когда, по моему мнению, люди в состоянии ее вынести, – шутливо произнес Паттерсон.

– Тони может вынести правду, – сказал Оливер, – у него хватит мужества.

Паттерсон кивнул.

– Да, это верно. Ему ведь уже тринадцать.

Он немного отпил из бокала и поднял его, разглядывая на свет.

– А как насчет Люси? – спросил он.

– О ней не беспокойся, – уверенно сказал Оливер.

– Она того же мнения, что и ты? – поинтересовался Паттерсон.

– Нет.

Оливер сделал нетерпеливый жест.

– Ее бы воля, парень дожил бы до тридцати лет, считая, что детей находят в капусте, что люди никогда не умирают, а конституция гарантирует Энтони Крауну пожизненное всеобщее обожание.

Паттерсон усмехнулся.

– Ты вот улыбаешься, – сказал Оливер. – Пока у человека не родится сын, он полагает, что должен только выкормить его и дать образование. А потом оказывается, что надо ежечасно сражаться за его бессмертную душу.

– Тебе бы завести еще нескольких. Тогда бы дискуссия шла более мирно.

– Что ж, других детей у нас нет, – спокойно сказал Оливер. – Ты поговоришь с Тони или нет?

– Почему бы тебе самому не побеседовать с ним?

– Я хочу, чтобы это прозвучало официально, – ответил Оливер. – Чтобы он услышал из авторитетных уст приговор, не смягченный любовью.

– Не смягченный любовью, – тихо повторил Паттерсон, думая: «Странный человек Оливер. Я не знаю никого, кто бы так выразился – не смягченный любовью. Приговор из авторитетных уст: “Мой мальчик, не надейся дожить до глубокой старости”». – Хорошо, Оливер. Под твою ответственность.

– Под мою ответственность, – сказал Оливер.

– Мистер Краун?

Оливер повернул голову. К лужайке со стороны дома подошел молодой человек.

– Да, – сказал Оливер.

Юноша остановился перед мужчинами.

– Я – Джеф Баннер, – представился он. – Меня направил к вам мистер Майлз.

– Зачем? – Оливер с удивлением посмотрел на юношу.

– Он сказал, что вы ищете компаньона для вашего сына на оставшуюся часть лета, – сказал Баннер. – По его словам, вы сегодня уезжаете, поэтому я поспешил к вам.

– Да, – подтвердил Оливер.

Он встал и пожал руку юноши, изучая его.

Худощавый Баннер был чуть выше среднего роста. Свои густые волосы он стриг коротко; смуглая от природы кожа, почерневшая на солнце, делала его похожим на жителя Средиземноморья. Его нежно-голубые, с фиолетовым отливом глаза казались по-детски ясными. Его худое подвижное лицо с высоким, бронзовым от загара лбом излучало неисчерпаемую энергию. Выцветший бумажный спортивный свитер, неглаженные мятые фланелевые брюки, тенниска со следами зелени придавали ему облик интеллектуала, увлекающегося греблей. Стоя в непринужденной позе, без тени смущения, с достоинством и уважением к собеседнику, он производил впечатление любимого, но не избалованного родителями юноши из хорошей семьи. Оливер, который всегда старался окружать себя красивыми людьми (их цветная служанка была одной из самых хороших девушек Хартфорда), сразу решил, что парень ему нравится.

– Это доктор Паттерсон, – сказал Оливер.

– Здравствуйте, сэр, – произнес Баннер.

Паттерсон вялым движением приподнял бокал.

– Извините, что не встаю. Я вообще редко поднимаюсь по воскресеньям.

– Конечно, – сказал Баннер.

– Ты хочешь проэкзаменовать молодого человека с глазу на глаз? – спросил Паттерсон. – Я, наверное, пойду.

– Нет, – отозвался Оливер. – Если, конечно, мистер Баннер не возражает.

– Пожалуйста, – сказал Баннер. – Все желающие могут послушать ахинею, которую я сейчас буду нести.

Оливер усмехнулся.

– Начало неплохое. Хотите сигарету? – Он протянул пачку Баннеру.

– Нет, спасибо.

Оливер вытащил сигарету, прикурил ее и кинул пачку Паттерсону.

– Вы не из тех молодых людей, что курят трубку?

– Нет.

– Это хорошо, – сказал Оливер. – Сколько вам лет?

– Двадцать, – ответил Баннер.

– Когда я слышу цифру «двадцать», – сказал Паттерсон, – моя рука тянется к пистолету.

Оливер посмотрел на озеро. Люси гребла, не сбавляя темпа, лодка стала заметно больше, а красный свитер Тони – ярче.

– Скажите, Баннер, вы когда-нибудь болели? – спросил Оливер.

– Простите его, молодой человек, за этот вопрос, – сказал Паттерсон. – Он сам никогда не болеет, поэтому считает всякие хвори злонамеренным проявлением постыдной слабости.

– Я не обижаюсь, – сказал Баннер. – Если бы я нанимал воспитателя для сына, я бы тоже поинтересовался здоровьем кандидата. – Он повернулся к Оливеру. – Однажды я сломал ногу. В девять лет. Поскользнулся у второй базы.

Оливер кивнул, проникаясь еще большей симпатией к Баннеру.

– Это все?

– Кажется, да.

– Вы учитесь в колледже? – спросил Оливер.

– В Дартмуте, – ответил Баннер. – Надеюсь, у вас нет предубеждения против Дартмута.

– К Дартмуту я безразличен, – сказал Оливер. – Где находится ваш дом?

– В Бостоне, – вмешался Паттерсон.

– Откуда вам известно? – удивился Баннер.

– У меня есть уши, верно? – сказал Паттерсон.

– Вот не знал, что так легко выдаю себя, – заметил Баннер.

– Все в порядке, – сказал Паттерсон. – Тут нет ничего плохого. Просто вы из Бостона.

– А почему вы не поехали учиться в Гарвардский университет?

– Ну, теперь ты зашел слишком далеко, – сказал Паттерсон. Баннер улыбнулся. Казалось, он получает от расспросов удовольствие.

– Мой отец сказал, что мне лучше побыть вдали от дома. В моих же интересах. У меня четыре сестры, все старше меня, и отец решил, что я окружен чрезмерной любовью и заботой. По его словам, он хочет, чтобы я понял – мир не то место, где пятеро преданных женщин с ног сбиваются, чтобы угодить тебе.

– Что вы намерены делать после окончания колледжа? – спросил Оливер.

Баннер был ему симпатичен, но он хотел знать, к чему стремится парень.

– Я собираюсь поступить на дипломатическую службу, – сказал Баннер.

– Почему?

– Хочу путешествовать. Посмотреть другие страны. В шестнадцать лет зачитывался «Семью столпами мудрости».

– Сомневаюсь, что вас пошлют командовать отрядом колониальных войск, – заметил Паттерсон, – как бы высоко вы ни поднялись в госдепартаменте.

– Конечно, дело не только в этом, – сказал Баннер. – У меня есть предчувствие, что в ближайшие годы могут произойти события большой важности, и я хочу быть в самой их гуще. – Он засмеялся. – Когда говоришь всерьез о своих жизненных планах, трудно не показаться напыщенным ничтожеством, верно? Может, я вижу себя произносящим за столом переговоров: «Нет, Венесуэлу я не отдам».

Оливер посмотрел на часы и решил направить беседу в более конкретное русло:

- Скажите, мистер Баннер, вы спортсмен?
- Я немного играю в теннис, плаваю, бегаю на лыжах...
- Я имею в виду, состоите ли вы в какой-нибудь команде, – уточнил Оливер.
- Нет.
- Прекрасно, – сказал Оливер. – Спортсмены так следят за собой, что доверять им других людей нельзя. А мой сын требует внимания...
- Знаю, – согласился Баннер. – Я его видел.
- Да? – удивился Оливер. – Когда это?
- Я здесь уже несколько лет, – сказал Баннер. – И я провел на озере прошлое лето. У моей сестры домик в полумиле отсюда.
- Вы живете сейчас у нее?
- Да.
- Зачем вам эта работа? – неожиданно спросил Оливер.
- Баннер улыбнулся.
- Причина обычная, – ответил он. – Плюс возможность постоянно находиться на воздухе.
- Вы бедны?
- Баннер пожал плечами.
- Во время Депрессии мой отец устоял на ногах. Но хромает до сих пор.
- Оливер и Паттерсон понимающе закивали.
- Вы любите детей, мистер Баннер? – спросил Оливер.
- Юноша задумался.
- Примерно так же, как большинство людей, – сказал он наконец. – Но есть несколько детей, которых я охотно замуrowал бы в бетонную стену.
- Ответ честный, – произнес Оливер. – Надеюсь, Тони к их числу не относится. Вы знаете, что с ним?
- Кажется, кто-то говорил мне, что у него ревматизм.
- Верно, – сказал Оливер. – С осложнением на глаза. Боюсь, ему долго придется с этим считаться.
- Оливер посмотрел на озеро. Люси гребла не останавливаясь; лодка приближалась к берегу.
- Из-за болезни, – сказал Оливер, – он не ходил в школу и слишком много времени проводил с матерью...
- Все проводят слишком много времени с матерями, – заметил Паттерсон. – Включая меня.
- Задача заключается в том, – продолжал Оливер, – чтобы дать ему возможность приблизиться к образу жизни здорового человека, избегая при этом чрезмерных нагрузок. Он не должен насилловать или перетруждать себя – и в то же время я не хочу, чтобы он считал себя инвалидом. Следующие год-два станут решающими. Я не хочу, чтобы он остался несчастным запуганным человеком.
- Бедный мальчик, – негромко произнес Баннер, глядя на лодку.
- Это ошибочный подход, – быстро сказал Оливер. – Жалость не нужна. Постарайтесь забыть о жалости. Это даже хорошо, что я не смогу побыть с Тони ближайшие несколько недель. И я не хочу оставлять его наедине с матерью. Я предпочитаю отдать его в грубоватые руки нормального двадцатилетнего парня. Я полагаю, вы справитесь...
- Баннер улыбнулся.
- У вас есть девушка? – спросил Оливер.
- Ну, Оливер, – возмутился Паттерсон.
- Оливер повернулся к доктору.

– Одна из самых важных вещей, которую следует знать о двадцатилетнем парне, это – есть ли у него девушка, – сказал он. – Была ли она у него, или в настоящее время он на перепутье.

– Кажется, есть, – сказал Баннер.

– Она здесь? – спросил Оливер.

– Если я скажу – здесь, вы дадите мне работу?

– Нет.

– Ее здесь нет, – ответил Баннер.

Оливер нагнулся, пряча улыбку, и поднял телескоп с земли.

– Вы знакомы с астрономией?

– Ну и вопросы, – проворчал Паттерсон.

– Тони хочет стать астрономом, когда вырастет, – объяснил Оливер, играя телескопом. –

Было бы полезно...

– Что ж, – неуверенно произнес Баннер, – кое-что я знаю...

– В какое время сегодня вечером, – тоном школьного учителя спросил Оливер, – можно наблюдать созвездие Орион?

Паттерсон покачал головой и выбрался из кресла.

– Слава Богу, что мне не надо наниматься к тебе на работу.

Баннер улыбнулся Оливеру.

– А вы коварны, мистер Краун.

– Почему вы так считаете? – невинно спросил Оливер.

– Потому что вам известно, что Орион не виден в северном полушарии до сентября, – с живостью в голосе ответил Баннер, – вы ждали, что я попаду впросак.

– Я плачу вам тридцать долларов в неделю, – сказал Оливер. – Вы учите Тони плавать, ловите с ним рыбу, наблюдаете за звездами и стараетесь, чтобы он как можно меньше слушал дурацкие сериалы по радио.

Оливер, колебавшись мгновение, продолжил тихим и серьезным голосом:

– Вы также должны деликатно отвоевать в некотором смысле Тони у матери, поскольку его привязанность к ней в настоящее время...

Он замолк, испугавшись, как бы его слова не прозвучали слишком резко.

– Я хочу сказать, что им обоим пойдет на пользу, если их зависимость друг от друга ослабнет. Вы согласны работать?

– Да, – ответил Баннер.

– Хорошо, – сказал Оливер, – можете начинать с завтрашнего дня.

Паттерсон вздохнул с ироническим облегчением.

– Я выдохся, – произнес он и снова плюхнулся в кресло.

– Знаете, я уже отказал трем претендентам, – сказал Оливер.

– Я слышал, – признался Баннер.

– В наше время молодые люди либо вульгарны, либо циничны, либо то и другое вместе.

– Вам следовало поискать студента из Дартмута, – сказал Баннер.

– Кажется, один из них учился в Дартмуте.

– Значит, он попал туда за спортивные достижения.

– Наверное, я должен предупредить вас об одной неприятной черте в характере Тони, – сказал Оливер. – Похоже, мы уже можем говорить о характере тринадцатилетнего мальчика. Во время болезни он проводил много времени в постели, и у него развилась склонность к фантазированию. К хвастовству, обману, вранью. Ничего серьезного, – сказал Оливер, и Паттерсон почувствовал, как трудно было Оливеру сделать такое признание о своем сыне, – мы с женой не придавали этому значения, учитывая обстоятельства. Тем не менее я говорил с ним, и он обещал обуздать свое воображение. Не удивляйтесь, если эта особенность проявится снова; мне бы хотелось, чтобы вы помогли ему избавиться от нее, прежде чем она укоренится.

Слушая, Паттерсон внезапно с болью проник в душу Оливера. Он разочарован, подумал Паттерсон, он осознает некоторую незаполненность своей жизни, если вкладывает столько сил в сына. Затем Паттерсон отверг свою гипотезу. Нет, подумал он, просто Оливер привык распоряжаться. Он предпочитает контролировать поступки людей, не давая им действовать самостоятельно. Он управляет своим сыном по привычке, автоматически.

– Да, – сказал Оливер. – Еще кое-что... секс.

Паттерсон предостерегающе замахал рукой.

– Послушай, Оливер, теперь ты точно забрался чересчур далеко.

– У Тони нет братьев и сестер, – пояснил Оливер, – и, как я уже говорил, по вполне понятным причинам его слишком от всего оберегали. До сих пор мы с женой не посвящали его в некоторые вопросы. Если все будет в порядке, этой осенью он вернется в школу; я предпочел бы, чтобы в вопросы секса сына посвятил умный молодой человек, готовящийся к дипломатической карьере, а не какие-нибудь тринадцатилетние развратники из престижной частной школы.

Баннер в смущении коснулся рукой носа.

– С чего я должен начать?

– А с чего начинали вы? – спросил Оливер.

– Боюсь, мне пришлось начинать позже. Не забывайте, у меня четыре старшие сестры.

– Действуйте благоразумно, – сказал Оливер. – Я хотел бы, чтобы через шесть недель Тони познакомился с теорией, не испытывая страстного желания немедленно перейти к практике.

– Я приложу максимум усилий, чтобы дать ясное представление о предмете, – сказал Баннер, – не пробуждая к нему излишнего интереса. Все на серьезном научном языке. Ни одного слова короче трех слогов. Постараюсь пригасить гедонистический аспект.

– Вот именно, – сказал Оливер и посмотрел на воду.

Лодка уже двигалась неподалеку от берега, Тони, стоя на корме, махал отцу рукой из-за плеча матери, его дымчатые очки сверкали солнечными зайчиками. Оливер помахал рукой в ответ. Глядя на сына и жену, Оливер обратился к Баннеру:

– Возможно, вам покажется, что меня слегка заклинило на сыне. Я с ужасом смотрю, как сейчас многие воспитывают детей. Им либо предоставляют слишком большую свободу, и они вырастают дикими животными, либо всячески подавляют их, отчего дети затаивают в душе злобу, жажду мщения и убегают из родительского дома тотчас, как становятся способны прокормить себя. Главное – я не хочу, чтобы он вырос запуганным.

– А как насчет тебя, Оливер? – с любопытством спросил Паттерсон. – Ты сам ничего не боишься?

– Ужасно боюсь, – признался Оливер. – Привет, Тони! – крикнул он сыну, направляясь к причалу, чтобы помочь пришвартовать лодку.

Паттерсон, поднявшись, вместе с Баннером смотрел, как Люси двумя последними сильными гребками подогнала лодку к дощатому настилу. Оливер придержал нос лодки, Люси, забрав блузу и книгу, сошла на берег. Тони с трудом удержал равновесие, а затем спрыгнул на мелководье, отвергнув помощь.

– Святое семейство, – пробормотал Паттерсон.

– Что вы сказали, сэр? – спросил Баннер с недоумением в голосе.

– Ничего, – сказал Паттерсон. – Он знает, чего хочет, правда?

Баннер усмехнулся:

– Это точно.

– Вы считаете, отец в состоянии воспитать сына таким, каким ему хочется его видеть? – спросил Паттерсон.

Баннер посмотрел на доктора, ожидая подвоха.

– Я об этом не думал, – осторожно сказал он.

– Ваш отец получит то, что он ждал от сына?

Баннер еле заметно улыбнулся:

– Нет.

Паттерсон кивнул.

Они посмотрели на Оливера, приближающегося в окружении жены и Тони, который нес свои удочки. Люси надевала свободную белую блузу поверх купального костюма. На верхней губе Люси и на лбу искрились капельки пота, выступившие из-за долгой гребли, ее босоножки бесшумно скользили по низкой траве. Они зашли в тень деревьев, а когда вышли из нее, длинные обнаженные ноги Люси вспыхнули золотистым светом. Она держалась очень прямо, не вихляя бедрами, как бы стараясь скрыть свою женственность. В одном месте она остановилась и, опираясь рукой о плечо мужа, приподняла ногу, чтобы выбросить гальку, – на мгновение группа застыла под косыми солнечными лучами, пробивающимися через листву.

Паттерсон и Баннер слышали голос Тони.

– В этом озере всю рыбу уже выудили, – произнес он чистым, по-детски высоким альтом. Хотя Тони был высок ростом, он показался Баннеру хрупким и физически неразвитым, а голова его – непропорционально большой. – Цивилизация слишком близко отсюда. Нам бы поехать в северные леса. Правда, там москиты и лоси. С лосями лучше не встречаться. Берт говорит, там иногда приходится нести каноэ на голове, иначе рыбы разнесут весла.

– Тони, – серьезно сказал Оливер, – ты знаешь, что такое щепотка соли?

– Ну конечно, – ответил мальчик.

– Вот что тебе нужно припасти для Берта.

– Ты хочешь сказать, он заливает? – спросил Тони.

– Не совсем так, – ответил Оливер. – Просто его рассказы надо немного подсаливать, как арахис.

– Я ему скажу это, – обещал Тони. – Как арахис.

Они остановились перед Паттерсоном и Баннером.

– Мистер Баннер, – сказал Оливер, – это моя жена. А это Тони.

– Здравствуйте. – Люси кивнула головой и застегнула верхние пуговицы блузы.

Тони подошел к Баннеру и вежливо протянул руку.

– Привет, Тони, – сказал Баннер.

– Привет, – ответил Тони. – Ну и мозоли у тебя.

– Это от теннисной ракетки.

– Пospорим, через четыре недели я у тебя выиграю? – сказал Тони. – Ну через пять.

– Тони... – осуждающе произнесла Люси.

– Это тоже хвастовство? – Тони посмотрел на мать.

– Да, – сказала она.

Тони пожал плечами и повернулся к Баннеру.

– Мне запрещают хвалиться, – пояснил он. – У меня сильный правый удар, а вот слева не идет. Я это от тебя не скрываю, – честно сказал он, – все равно после первой же игры это станет ясно. Я видел однажды, как играет Элсуорт Вайнс.

– Какое впечатление он на тебя произвел?

Тони скорчил гримасу.

– Его переоценивают, – небрежным тоном сказал Тони. – Только потому, что он из Калифорнии, где можно играть на открытом воздухе круглый год. Ты купался?

– Да, – удивленно сказал Баннер. – Откуда тебе известно?

– Ты пахнешь озером.

– Это один из его коронных номеров, – сказал Оливер, взъерошив рукой волосы сына. – Когда он болел, ему завязывали глаза, и у него развился нюх, как у ищейки.

– А еще я умею плавать. Как рыба, – сказал Тони.

– Тони... – снова одернула сына Люси.

Пристыженный мальчик улыбнулся.

– Но меня хватает только на десяток взмахов. Больше не могу. Дыхалка сдает.

– Мы этим займемся, – обещал Баннер. – Надо научиться правильно дышать.

– Я постараюсь, – сказал Тони.

– Джеф тебя научит. Он проведет с тобой остаток лета.

Люси бросила взгляд на мужа, потом опустила глаза.

Тони тоже внимательно и настороженно посмотрел на отца, вспомнив медицинских сестер, диету, боли, постельный режим.

– О, – сказал Тони. – Он будет ухаживать за мной?

– Нет, – ответил Оливер. – Просто Джеф научит тебя кое-чему полезному.

Тони испытующе поглядел на Оливера, пытаясь понять, не обманывает ли его отец. Потом он повернулся и молча посмотрел на Баннера, словно теперь, когда их отношения были определены, необходимо немедленно произвести оценку.

– Джеф, – произнес наконец Тони, – ты хороший рыбак?

– Когда рыбы видят меня, – сказал Баннер, – они начинают давиться от смеха.

Паттерсон посмотрел на часы.

– Я думаю, нам пора, Оливер. Мне надо оплатить счет, побросать вещи в чемодан, и я готов.

– Ты говорил, что хочешь что-то сказать Тони, – напомнил Оливер.

Люси перевела настороженный взгляд с Оливера на Паттерсона.

– Да, – сказал Паттерсон.

Теперь, когда пришло время исполнять обещанное, он пожалел, что поддался на уговоры Оливера.

– И все же, – продолжал он, сознавая свою трусость, – может быть, отложим до следующего раза?

– Я считаю, сейчас самое подходящее время, – спокойно сказал Оливер. – Ты увидишь Тони не раньше чем через месяц, а он, в конце концов, отвечает за себя прежде всего сам, и я уверен, ему следует знать, чего остерегаться и почему...

– Оливер... – начала Люси.

– Мы с Сэмом уже все обсудили, – сказал Оливер, касаясь ее руки.

– Что я должен делать? – настороженно спросил Тони.

– Ничего, Тони, – сказал Паттерсон. – Просто я хочу рассказать, как обстоят твои дела.

– Я клево себя чувствую. – Голос Тони прозвучал подавленно, его грустные глаза смотрели в землю.

– Конечно, – согласился Паттерсон. – А будешь чувствовать еще лучше.

– Я клево себя чувствую, – упрямо повторил Тони. – Почему мне должно стать еще лучше?

Паттерсон и Оливер засмеялись, и мгновение спустя Баннер присоединился к ним.

– Хорошо, – поправила сына Люси. – А не клево.

– Хорошо, – послушно согласился Тони.

– Конечно, ты здоров, – начал Паттерсон.

– Я не хочу ничего бросать, – воинственно произнес Тони. – Я и так уже от многого отказался.

– Тони, – сказал Оливер, – дай доктору Паттерсону закончить.

– Слушаю, сэр.

– Я прошу тебя, – сказал Паттерсон, – некоторое время воздержаться от чтения, кроме этого, можешь делать все, что тебе хочется, но умеренно. Тебе известно, что такое умеренность?

– Это значит не просить второй порции мороженого, – быстро ответил Тони.

Все засмеялись, и Тони хитро посмотрел на взрослых, он знал, как их рассмешить.

– Совершенно верно, – сказал Паттерсон. – Можешь играть в теннис, плавать и...

– Я хочу научиться играть у второй базы, – заявил Тони. – И освоить крученный удар.

– Мы можем попробовать, – сказал Баннер, – но я не гарантирую успеха. Я сам пока не овладел крученым ударом, хотя гораздо старше тебя. Ты либо рожден бить крученный, либо нет.

– Ты можешь все это делать, – продолжил Паттерсон, отметив про себя, что Баннер – пессимист, – при одном условии: как только ты почувствуешь усталость, ты останавливаешься. Малейшая перегрузка...

– А если я не остановлюсь? – перебил его мальчик. – Что тогда?

Паттерсон вопросительно посмотрел на Оливера.

– Продолжай, говори, – сказал отец Тони.

Паттерсон повернулся к мальчику.

– Тогда ты рискуешь снова надолго лечь в постель. Этого ведь тебе не хочется?

– Вы думаете, что я могу умереть, – сказал Тони, пропустив вопрос мимо ушей.

– Тони! – сказала Люси. – Этого доктор Паттерсон не говорил.

Тони неприязненно посмотрел на врача, и Паттерсону на мгновение показалось, что мальчик видит в окружающих его взрослых не родителей и друзей, а сообщников болезни.

– Не беспокойтесь. – Тони улыбнулся, и враждебность его исчезла. – Я не умру.

– Конечно, нет, – сказал Паттерсон, злясь на Оливера, втянувшего его в эту сцену. Он шагнул к Тони и чуть наклонился к нему. – Тони, я тебя поздравляю.

– С чем? – настороженно спросил Тони, боясь насмешки.

– Ты – идеальный пациент, – заявил доктор. – Ты поправился. Спасибо тебе.

– Когда я смогу их выбросить? – спросил Тони.

Он резко поднял руку и снял очки. В его неожиданно повзрослевшем голосе зазвучала горечь. Без очков его глаза казались запавшими, близорукими, полными грусти и укора; видеть их на худом мальчишеском лице было больно.

– Наверное, через год или два, – сказал Паттерсон. – Если будешь ежедневно делать упражнения. Час утром, час вечером. Запомнил?

– Да, сэр, – ответил Тони.

Надев очки, он снова стал подростком.

– Мама знает все упражнения, – сказал Паттерсон, – она обещала ничего не упустить.

– Вы можете показать их мне, доктор, – сказал Баннер. – Тогда мы освободим миссис Краун.

– В этом нет необходимости, – вмешалась Люси. – Я справлюсь.

– Конечно, – сказал Джеф. – Как вам будет удобнее.

Тони повернулся к отцу:

– Папа, тебе надо ехать домой?

– К сожалению, да, – сказал Оливер. – Но я постараюсь выбраться сюда на выходные до конца месяца.

– Твой отец должен вернуться в город, на работу, – сказал Паттерсон, – чтобы быть в состоянии оплачивать мои визиты, Тони.

Оливер улыбнулся.

– Я думаю, эту шутку ты мог оставить мне, Сэм.

– Извини.

Паттерсон повернулся и поцеловал Люси в щеку.

– Ты просто цветешь, – восхищенно сказал он, – как дикая роза.

– Я иду мимо гостиницы, – сказал Баннер. – Вы позволите составить вам компанию, доктор?

– Сделайте одолжение, – ответил Паттерсон. – Вы расскажете мне, как здорово быть двадцатилетним.

– Пока, Тони, – попрощался Баннер. – В какое время мне прийти завтра? В десять?

– В половине одиннадцатого, – ответила Люси. – Раньше не надо.

Баннер взглянул на Оливера.

– Значит, в десять тридцать, – сказал Джеф.

Они с Паттерсоном направились по тропинке к гостинице – рослый, крупный, медлительный человек и подвижный загорелый юноша в испачканных зеленою парусиновых тапочках. Люси и Оливер посмотрели им вслед.

«Этот парень слишком уверен в себе, – подумала Люси, глядя на стройную удаляющуюся фигуру. – Пришел наниматься на работу в бумажном спортивном свитере». В какое-то мгновение она решила поделиться с Оливером своими сомнениями насчет Баннера. «По крайней мере он мог поговорить с ним в моем присутствии». Но потом она решила промолчать. Дело сделано, и Люси слишком хорошо знала мужа, чтобы пытаться переубедить его. Ей придется самой заняться этим молодым человеком.

Она поежилась и провела рукой по обнаженным бедрам.

– Я замерзла, – сказала Люси. – Ты все собрал, Оливер?

– Почти все, – ответил он. – Осталось прихватить пару вещей. Я зайду с тобой в коттедж.

– Тони, – сказала Люси, – ты бы надел брюки и ботинки.

– Да ну, мама...

– Тони, – строго повторила она, подумав: «А Оливера он слушается».

– Ладно, – сказал Тони и, с наслаждением ступая босыми ногами по прохладной густой траве, направился к дому.

Глава третья

Оставшись в комнате наедине с Люси, Оливер завершал сборы. Он все делал спокойно, методично и быстро, но чемодан всегда закрывался у него легко. Люси же вечно перекладывала вещи, затрачивая массу лишних усилий, и ей казалось, что Оливер от природы наделен чувством порядка. Пока Оливер собирался, Люси скинула блузу и купальный костюм и стала разглядывать свое обнаженное тело в большом зеркале. «Старею, – подумала она, глядя на свое отражение. – На бедрах появились отметины времени. Надо больше двигаться. Больше спать. И не думать об этом. Тридцать пять».

Она начала причесываться. Люси отпустила волосы чуть ниже плеч, потому что так нравилось Оливеру. Сама она предпочла бы стричь их короче, особенно летом.

– Оливер, – сказала Люси, расчесывая волосы и наблюдая в зеркале, как муж быстрыми и точными движениями укладывал в чемодан, лежащий на кровати, пакет с документами, шлепанцы, свитер.

– Да?

Оливер решительно затянул ремень на чемодане, словно подпругу на боку коня.

– Ужасно не хочется отпускать тебя домой.

Оливер подошел сзади к Люси и обнял ее. Она почувствовала прикосновение рук мужа, жесткую ткань его костюма и с трудом преодолела внезапное раздражение. «Он относится ко мне как к собственности, – подумала Люси, – как он смеет!»

Оливер поцеловал ее в шею, ниже уха.

– У тебя восхитительный живот, – сказал он, лаская ее.

Она повернулась в его объятиях и вцепилась пальцами в пиджак.

– Останься еще на неделю, – попросила она.

– Ты слышала, что сказал Сэм насчет своих гонораров, – ответил Оливер, нежно поглаживая ее плечи, – он ведь не шутил.

– Но все эти рабочие...

– Все эти рабочие начинают без меня бить баклуши с двух часов дня, – добродушно заметил Оливер. – Ты чудесно загорела.

– Не хочу оставаться одна, – сказала Люси. – Меня нельзя бросать одну. Я слишком глупа, чтобы легко переносить одиночество.

Оливер засмеялся и прижал ее к себе еще крепче.

– Ты вовсе не глупа.

– Нет, глупа, – возразила Люси. – Ты меня не знаешь. Когда я одна, мои мозги размягчаются. Ненавижу лето, – сказала она. – Летом я чувствую себя изгнанницей.

– Обожаю оттенок, который приобретает летом твоя кожа, – сказал Оливер.

Легкомысленное отношение мужа задело Люси.

– Изгнанница, – упрямо повторила она. – Лето – моя Эльба.

Оливер снова засмеялся.

– Видишь, – сказал он, – ты совсем не глупая. Глупой женщине такое сравнение в голову бы не пришло.

– Я начитанная, – возразила Люси, – но глупая. Мне будет одиноко.

– Послушай, Люси...

Оливер отпустил жену и начал ходить по комнате, выдвигая ящики, чтобы убедиться, что ничего не забыл.

– На озере сотни людей.

– Сотни несчастных женщин, – поправила Люси, – которых ненавидят собственные мужья. Посмотри на них, когда они сидят все вместе на гостиничной веранде, и ты увидишь призраки их мужей, обезумевших в городе от радости.

– Я обещаю, – сказал Оливер, – не потерять в городе голову от радости.

– Или ты хочешь, чтобы я любезничала с миссис Уэлс, – продолжала Люси, – просвещаясь при этом и собирая информацию, которой можно позабавить гостей, когда Паттерсоны следующей зимой придут к нам играть в бридж?

Оливер смутился.

– А, – беспечно произнес он, – на твоём месте я бы не принимал это близко к сердцу. Просто Сэм...

– Я хотела дать тебе понять, что мне кое-что известно, – сказала Люси, подсознательно стремясь поставить мужа в неловкое положение. – И мне это не нравится. Можешь передать мои слова Сэму по дороге в город, раз уж сегодня день откровенности.

– Хорошо, – обещал Оливер. – Я скажу. Если ты хочешь.

Люси начала одеваться.

– Поехать бы сейчас в город вместе с тобой, – сказала она. – Прямо сейчас.

Оливер открыл дверь ванной и заглянул туда.

– А как же Тони?

– Возьмем его с собой.

– Но ему здесь так хорошо.

Оливер вернулся в комнату, удовлетворенный тем, что ничего не забыл. Он никогда ничего не оставлял, но все равно совершал этот заключительный осмотр.

– Озеро. Солнце.

– Я уже слышала про озеро и солнце, – сказала Люси. Она наклонилась и надела мокасины, приятно холодившие босые ступни. – И все же, по-моему, общение с обоими родителями ему нужнее.

– Дорогая, – мягко попросил Оливер, – сделай мне одолжение.

– Какое?

– Не настаивай.

Люси накинула кофточку с пуговицами на спине и подошла к Оливеру, чтобы он застегнул их. Начав с нижней, он сделал это автоматически, быстро и ловко.

– Мне грустно представлять, как ты расхаживаешь один по пустому дому. Без меня ты вечно перерабатываешь.

– Я обещаю не переутомляться, – сказал Оливер. – И вот что... Потерпи неделю. Погляди, как ты будешь себя чувствовать. Как пойдут дела с Тони. Если твое желание вернуться домой сохранится...

– Что тогда?

– Там посмотрим.

Он расправил с пуговицами и ласково похлопал жену ниже талии.

– Посмотрим, – повторила Люси. – Каждый раз, когда ты так говоришь, это означает отказ. Я тебя знаю.

Оливер рассмеялся и поцеловал ее в макушку.

– На этот раз действительно посмотрим.

Люси отстранилась от мужа и подошла к зеркалу, чтобы накрасить губы.

– Почему, – сухо спросила она, – мы всегда делаем то, что хочешь ты?

– Потому что я старомодный муж и отец, – сказал Оливер, удивляясь собственным словам.

Люси ярко наредила губы – она знала, что Оливеру это не нравится, и хотела наказать мужа, пусть даже таким невинным способом, за пренебрежение к ней.

– Что, если в один прекрасный день я захочу стать современной женой?

– Ты не захочешь, – ответил Оливер. Он зажег сигарету и, заметив накрашенный рот, слегка наморщил лоб так, как он делал, когда его что-то раздражало. – Не захочешь, – повторил он шутливым тоном. – Не зря же я женился на тебе так рано. Пока твой характер еще не затвердел.

– Не делай из меня ручного зверька. Это оскорбительно, – сказала Люси.

– Я клянусь, – с иронической серьезностью произнес Оливер, – что считаю тебя крайне своевольной женщиной. Это тебе приятнее?

– Нет, – сказала Люси.

Она размазала мизинцем помаду на губах, придав им кричащий вид. Оливер никогда не делал жене замечаний в такие моменты, но Люси знала, что ему неприятно видеть ее стоящей перед зеркалом с самодовольно выпяченными губами и пальцем, испачканным помадой, поэтому она преднамеренно не спешила.

– Мы знаем многие современные семьи, – сказал Оливер и отвернулся, якобы в поисках пепельницы, чтобы не видеть Люси, – где решения принимаются совместно. Стоит мне увидеть женщину с недовольным выражением лица, я тотчас понимаю – ее муж позволяет ей самой принимать решения.

– Не будь я твоей женой, – сказала Люси, – я бы тебя возненавидела.

– Вспомни знакомые нам семьи, – продолжил Оливер. – Разве я не прав?

– Ты прав, – признала Люси. – Всегда прав.

Она повернулась и шутливо поклонилась ему.

– Склоняю перед тобой голову – ты всегда прав.

Оливер засмеялся, и Люси тоже пришлось засмеяться.

– Забавно, – сказал Оливер, снова приближаясь к жене.

– Что?

– Как ты смеешься, – пояснил Оливер. – Даже когда ты была молодой девушкой. Словно у тебя здесь, – он коснулся ее горла, – сидит другая женщина и смеется за тебя.

– Другая женщина, – повторила Люси. – Как она выглядит?

– У нее хриплый голос, – произнес Оливер, – вызывающая походка и огненно-рыжие волосы.

– Может, мне лучше вовсе не смеяться, – сказала Люси.

– Ни в коем случае, – запротестовал Оливер, – я люблю твой смех.

– Я ждала этого слова.

– Люблю?

– Да. Я давно его не слышала.

Люси схватила мужа за отвороты пиджака и тихонько притянула к себе.

– Нынешним писателям и в голову не придет употребить его, – серьезно сказал Оливер.

– Продолжай.

– Продолжать что?

– Употреблять его. Никто не услышит.

– Мама... папа! – закричал Тони из гостиной. – Я готов. А вы?

– Минутку, Тони, – сказал Оливер, пытаясь освободиться. – Мы сейчас.

– Ах, Оливер, – пробормотала Люси, не отпуская мужа. – Это так ужасно.

– Что ужасно?

– Я так от тебя зависима.

– Папа... – вежливо позвал Тони из-за закрытой двери.

– Да, Тони?

– Я пойду к гостинице и буду ждать тебя. Я хочу проехать с тобой до ворот.

– Хорошо, Тони. Скажи доктору Паттерсону, что я приду через пять минут.

– Лады, – отозвался Тони.

Оливер нахмурился.

– И где он этого набрался? – прошептал он.

Люси пожала плечами. На рукаве пиджака Оливера осталось пятнышко от губной помады с пальца Люси, но она, чувствуя себя виноватой, решила не говорить ему об этом. Они услышали, как Тони вышел из дома; в окно было видно, как мальчик удаляется от коттеджа по гравийной дорожке.

– Ну... – Оливер еще раз оглядел комнату. – Теперь пора.

Он взял два чемодана.

– Открой, пожалуйста, дверь, Люси, – попросил он.

Люси распахнула дверь, и они прошли через гостиную на веранду. В гостиной, компенсируя убожество арендованной мебели, благоухали расставленные в изобилии цветы, их аромат смешивался со свежим запахом озера.

На веранде Люси остановилась.

– Я бы что-нибудь выпила, – сказала она.

Люси вовсе не хотелось пить, но эта уловка позволяла отложить отъезд Оливера еще на десять минут. Она знала, что Оливер догадывается и сердится на нее за задержку или в лучшем случае раздраженно удивляется ее склонности к многословным проводам, но она боялась момента, когда автомобиль исчезнет из виду и она останется одна.

– Хорошо, – согласился Оливер, поколебавшись, и поставил чемоданы. Сам он предпочитал уезжать быстро, решительно, без лишних слов. Он стоял и смотрел на озеро, а Люси подошла к столу, расположенному у стены, и, плеснув в бокалы немного виски, разбавила его охлажденной водой.

Ястреб сорвался с прибрежного дерева и, распластав крылья, медленно закружил над водой, с дальнего берега из спортивного лагеря донесся звук горна, несущий в себе азарт ружейной стрельбы, радость победы и горечь поражения; здесь он служил всего лишь сигналом к началу игры или купания. Ястреб безмятежно скользил навстречу ветру в ожидании малоприметных признаков вроде колыхания травы или покачивания ветки, которые выдадут появление его ужина.

– Оливер, – сказала Люси, подходя к мужу с бокалами в руках.

– Да?

– Сколько ты собираешься платить этому мальчишке? Баннеру?

Оливер тряхнул головой, прогоняя смутные образы, навеянные птицей, пением горна и неизбежностью отъезда.

– Тридцать долларов в неделю, – ответил он, взяв бокал.

– Не много ли?

– Нет.

– А мы можем это себе позволить? – спросила Люси.

– Нет, – сказал Оливер, раздраженный ее вопросом.

Люси обычно относилась к деньгам легкомысленно и была подвержена, по мнению мужа, порывам безрассудного расточительства, но не из-за жадности или стремления к роскоши, а вследствие слабого представления о цене денег и о том, как они достаются. Но когда она была настроена против чего-то, а Оливер знал, что Люси недовольна тем, что он нанял Баннера, она неожиданно становилась бережливой.

– Ты действительно считаешь, что он нам необходим? – спросила Люси, стоя рядом с мужем и наблюдая за ястребом, парящим над гладью.

– Да, – ответил Оливер.

Он с торжественностью поднял бокал.

– За маленького мальчика с телескопом.

Люси рассеянно подняла бокал и немного отпила.

– Зачем?

– Что зачем?

– Зачем он нужен?

Оливер ласково коснулся ее руки.

– Чтобы дать тебе возможность пожить в свое удовольствие.

– Мне нравится отдыхать с Тони.

– Знаю, – согласился Оливер. – Но все же, по-моему, провести несколько недель в обществе развитого, живого юноши, который будет обращаться с Тони по-мужски...

– Ты считаешь, я его изнежила, – сказала Люси.

– Вовсе нет. Просто...

Оливер пытался найти самые корректные, необходимые аргументы.

– Дети, особенно те, кто перенес тяжелую болезнь и постоянно находился при матери... вырастая, часто становятся балетными танцорами.

Люси засмеялась:

– Что за ерунда!

– Ты меня поняла, – сказал Оливер, с досадой ощущая, что говорит как зануда. – Не думай, что это пустяк. Почитай любой труд по психоанализу.

– Мне не нужно ничего читать, – возразила Люси, – чтобы правильно воспитать сына.

– Это подсказывает здравый смысл, – настаивал Оливер.

– Кажется, ты считаешь, что я все делаю неверно, – с горечью заметила Люси. – Признайся...

– Послушай, Люси, – примирительно произнес Оливер, – ничего подобного я не говорил. Просто я вижу иные проблемы, чем ты, и хочу подготовить Тони к трудностям, которых ты не замечаешь.

– К каким именно? – упрямо спросила Люси.

– Мы живем в век хаоса, – сказал Оливер, сознавая помпезность и выпендривность своих слов, но не находя других. – Нестабильное, грозное время. Надо быть титаном, чтобы устоять.

– И ты хочешь сделать титана из несчастного маленького Тони, – саркастически заметила Люси.

– Да, – защищаясь, сказал Оливер. – Не называй его несчастным и маленьким. Всего через какие-то восемь-девять лет ему предстоит стать мужчиной.

– Мужчина – это одно, – сказала Люси, – титан – совсем другое.

– Сейчас – нет, – возразил Оливер.

Он чувствовал, что сердится, и сознательно сдерживал себя, потому что не хотел ссориться перед отъездом. Он заставил себя говорить спокойно.

– Прежде всего Баннер – это не какой-нибудь зазнавшийся студентик. Он умен, выдержан, обладает чувством юмора...

– А я, конечно, – сказала Люси, – скучна, скованна и неинтересна.

Она сделала несколько шагов в сторону от мужа.

– Послушай, Люси.

Оливер направился вслед за женой.

– Я этого вовсе не говорил.

Люси остановилась и рассерженно посмотрела на него.

– Тебе и не надо это говорить, – сказала она. – Мне удастся не думать об этом несколько месяцев, затем ты что-нибудь скажешь... или я встречаю женщину моего возраста, которая счастливо избежала...

– Ради Бога, Люси, – попросил Оливер, чье раздражение пересиливало желание уйти от конфликта, – не возвращайся к этой старой песне.

– Пожалуйста, Оливер. – Внезапно она перешла на молящий тон. – Оставь меня вдвоем с Тони. Это ведь только шесть недель. Я согласилась на школу – уступи мне сейчас. Он уедет надолго к этим маленьким грубиянам... Не представляю, как я с ним расстанусь. После всего пережитого нами. Даже теперь, зная, что он отправится в гостиницу, чтобы проехать с тобой до ворот, я едва сдерживаю желание побежать и убедиться, что с ним все в порядке.

– Именно об этом я и говорю, Люси, – сказал Оливер.

Люси зло посмотрела на мужа. Она поставила бокал на траву и насмешливо опустила голову.

– Склоняю перед тобой голову, – сказала она, – ты прав. Как всегда.

Быстрым движением руки Оливер взял Люси за подбородок и поднял его. Люси не сопротивлялась. Она стояла, хитровато улыбаясь, и смотрела на мужа.

– Не делай так больше, Люси, – попросил Оливер. – Я серьезно.

Люси освободилась, дернув головой, и зашла в дом; дверь негромко хлопнула за ней. Оливер посмотрел вслед жене, допил виски, подхватил чемоданы и направился за угол дома, где под деревом стоял автомобиль. Он погрузил чемоданы в багажник и пробормотал себе под нос: «К черту все». Оливер сел за руль и завел мотор. Подавая назад, он увидел, как Люси вышла из дома и направилась к машине. Он заглушил двигатель.

– Прости меня, – тихо сказала она, стоя у автомобиля и держась за его дверцу.

Оливер ласково потрепал ее руку.

– Давай все забудем, – примирительно предложил он.

Люси наклонилась, чмокнула его в щеку, поправила галстук.

– Купи себе новые галстуки, – сказала она. – Твои выглядят так, словно их подарили тебе на Рождество в 1929 году.

Она посмотрела на него, неуверенно улыбаясь, словно умоляла о чем-то.

– И не сердись на меня.

– Конечно, – сказал Оливер, испытывая облегчение оттого, что мирный отъезд был спасен. Или почти спасен. Хотя бы внешне.

– Позвони мне на неделе, – попросила Люси. – И произнеси запретное слово.

– Обещаю.

Оливер повернул голову и поцеловал жену. Затем он снова завел мотор и поехал к гостинице.

Люси замерла в тени дерева, провожая взглядом автомобиль, который вскоре исчез за поворотом, скрытый зеленью. Она вздохнула и вернулась в гостиную, тяжело опустилась на темный деревянный стул. Оглядела комнату: «Сколько цветов здесь ни ставь, жить тут все равно невыносимо». Сидя в мрачной благоухающей гостиной, она вспомнила шум машины, отъезжающей по узкой песчаной дороге, и подумала: «Поражение. Снова поражение. Я всегда проигрываю. Вечно я первая говорю “прости”».

Глава четвертая

Сидя справа от Оливера в плавно мчащемся мимо чистых вермонтских городов «бью-ике», Паттерсон наслаждался мастерством, с которым его друг вел машину, погодой, воспоминаниями об уик-энде, проведенном с миссис Уэлс; он радовался выздоровлению Тони, мысленно любовался Люси, вспоминая, как она, стоя в свободной белой блузе, надетой поверх купальника, с обнаженными ногами, опираясь на плечо Оливера, вытряхивала гальку, застрявшую между ступней и деревянной подошвой.

Он бросил взгляд на Оливера, уверенно сидящего за рулем с серьезным и интеллигентным лицом, отмеченным тенью безрассудства, той редкой в наши дни кавалерийской удали, на которую Паттерсон обратил внимание, когда они пили виски на лужайке. «Господи, – подумал Паттерсон, – если бы его интересовали другие женщины, вот был бы парад! Мне бы его внешность...» Он внутренне усмехнулся. Смежив веки, Паттерсон увидел перед глазами Люси, залитую солнечным светом на тропинке, ведущей от озера; она тянула руку вдоль длинных обнаженных ног, и волосы падали ей на лицо.

«Наверное, – подумал он, – будь я женат на Люси Краун, я бы тоже ни на кого больше не смотрел».

Иногда, выпив лишнее или загрузив, он говорил себе, что ему следовало влюбиться в Люси Краун, тогда еще Люси Хэммонд, в первый же вечер их знакомства, за месяц до ее свадьбы с Оливером. Однажды на вечеринке в загородном клубе он чуть не признался ей в этом. А может быть, он и вправду сказал ей это. Там царил хаос, оркестр играл слишком громко, Люси на мгновение оказалась в его объятиях, и вообще он был здорово пьян.

Впервые Паттерсон увидел Люси Краун в начале двадцатых годов, когда Оливер привез ее в Хартфорд знакомить со своей семьей. Паттерсон был старше Оливера, он женился годом раньше друга и только что начал практиковать в Хартфорде. Четыре поколения Краунов выросли в этом городе, отец Оливера получил в наследство типографию, которая кормила семью в течение пятидесяти лет. Оливер имел двух старших замужних сестер; брат его погиб в авиакатастрофе во время войны. Оливер тоже учился на летчика, но попал во Францию слишком поздно, чтобы принять участие в боевых действиях.

Вернувшись из Европы, Оливер обосновался в Нью-Йорке и вместе с двумя другими ветеранами открыл маленький экспериментальный завод по производству аэропланов. Старый Краун внес долю сына, трое молодых людей построили предприятие неподалеку от Джерси, а спустя несколько лет едва не прогорели.

Паттерсон помнил Оливера еще первокурсником, мечтающим попасть в бейсбольную команду колледжа, сам он тогда готовился к получению диплома. Даже в то время, когда Оливеру было не больше пятнадцати, Паттерсон завидовал его достоинству, той спокойной уверенности, с какой держался этот рослый, хорошо воспитанный юноша, легкости, с которой он получал наивысшие оценки, успеху у девушек. Позже Паттерсон завидовал его поездке во Францию, его Нью-Йорку, авиастроительной компании, дружбе с деловыми партнерами – крепкими, веселыми, вечно подвыпившими молодыми людьми, его встрече с Люси. Если бы кто-то спросил Паттерсона или Крауна об их отношениях, каждый, не колеблясь, назвал бы другого своим лучшим другом. Оливер, насколько было известно Паттерсону, никогда никому не завидовал.

С того момента, как Оливер познакомил Паттерсона с Люси – ей тогда исполнилось двадцать лет, – Паттерсон начал ощущать смутную горечь потери. Она была высокой девушкой с мягкими белокурыми волосами и крупными серыми глазами. В ее лице присутствовали восточные черты. Широкий прямой нос и переносица плавно переходили в низкий лоб. Глаза ее еле заметно косили, а линия верхней губы круто обрывалась в уголках рта. Пытаясь описать

ее внешность после многих лет знакомства, Паттерсон как-то сказал, что ее предки – северяне, среди которых затаилась танцовщица с острова Бали. У Люси был полный решительный рот, говорила она негромко, с придыханием, немного сбивчиво, словно ей не хватало уверенности в том, что ее хотят слушать. Она не следила за модой, которая в том году отличалась безвкусицей, и выигрывала от этого. Люси избегала лишних движений: сидя, она держала руки на коленях, а когда стояла – по швам, как послушная школьница. Родители ее умерли, из родственников осталась только мифическая тетя, живущая в Чикаго, о которой Паттерсон не знал ничего, кроме того, что она носила одежду одного с Люси размера и присылала племяннице донашивать свои безобразные платья. Спустя много лет, приобретя склонность к рефлексии, Паттерсон понял, что эксцентричная старомодность тетиных нарядов придавала Люси дополнительное очарование, делала непохожей на других девушек, пробуждала жалость и сочувствие к бедности и девической неловкости.

Люси служила тогда в Колумбийском университете лаборанткой у биолога, который занимался изучением одноклеточных морских растений. Эта работа никак не вязалась с ее внешностью, и, что было еще более удивительным, Люси заявила Оливеру о своем намерении не бросать в дальнейшем науку независимо от того, выйдет она за него замуж или нет, а впоследствии получить степень и заняться самостоятельными исследованиями. У Оливера преданность Люси биологии, готовность целый день возиться, как он говорил, с какими-то водорослями, вызвала сдержанное удивление, но поскольку это занятие не портило ее красоту и позволяло жить в Нью-Йорке, Оливер не стал сразу же противиться ему.

Оба они были высокими, блестящими, чистыми молодыми людьми, и если спустя годы, оглядываясь назад, Паттерсон видел призрачность их блеска, то тогда, смотря на них, с серьезными лицами стоящих у алтаря (в Нью-Йорке – Оливер заявил, что не хочет начинать семейную жизнь в Хартфорде), он чувствовал, что все браки, заключенные в Америке в этот солнечный июньский день, просто обязаны попасть в число самых удачных.

На свадьбе Паттерсон, немного перебрав шампанского, припасенного старым Крауном еще до «сухого закона», оглядел подозрительно комнату и заявил: «Чертовски странная свадьба. Здесь нет ни одного гостя, который спал с невестой». Люди, услышавшие его, засмеялись, и его репутация остролова и человека, которому опасно доверять лишнее, стала еще более прочной.

На следующий день Паттерсон вернулся на поезде домой в Хартфорд; сидя рядом с Кэтрин, на которой он женился тринадцать месяцев назад, он вдруг понял, что его брак – ошибка. С этим следовало смириться, Кэтрин ни в чем не была виновата. Паттерсон знал, что он не станет ничего менять и постарается не причинять Кэтрин страданий. Прикрыв глаза, еще во власти паров шампанского, он думал о том, что эта ошибка будет долгой, мирной, скрытой. В то время Паттерсон был циником и пессимистом, и ощущение пожизненной непоправимости совершенного казалось ему естественным для двадцати семи лет.

Вернувшись из свадебного путешествия, некоторое время Оливер и Люси жили в точно-сти так, как планировали. Они сняли на Мюррей-Хилле квартиру с просторной гостиной, где нередко принимали энергичных молодых людей, хлынувших в ту пору в Нью-Йорк. По утрам Оливер отправлялся на маленький заводик, расположенный возле Джерси, случалось, испытываемые им аэропланы терпели крушение на лугах или соляных равнинах; Люси ежедневно, кроме субботы и воскресенья, спешила подземкой на Морнингсайд-Хейтс к своим водорослям, вечером возвращалась домой готовить обед, встречать гостей или собираться в театр, а реже – писать диссертацию. Она больше не носила тетиных нарядов, но ее собственный вкус оказался неопределенным, точнее, преднамеренно простеньким, девически скромным, в ней трудно было угадать жительницу Нью-Йорка.

Паттерсон старался почаще приезжать в город. Появляясь один, без Кэтрин, он всегда останавливался у Краунов, и к длинному списку предметов его зависти прибавились квартира

и друзья Оливера. Паттерсон заметил, что, хотя на вид Люси вполне счастлива, она производит впечатление скорее гостя в этом браке, чем полноправного партнера. Отчасти это объяснялось ее застенчивостью, от которой она еще не освободилась, и врожденной способностью Оливера весело, без усилий, помимо собственного желания верховодить в любой компании.

Как-то после возвращения Паттерсона из Нью-Йорка Кэтрин спросила мужа, счастлива ли Люси. После недолгого раздумья Паттерсон сказал: «По-моему, да. Или почти счастлива. Но она надеется стать со временем еще более счастливой...»

В один год отец Оливера утонул возле Уотч-Хилла и Люси родила сына. Оливер поехал в Хартфорд, изучил типографские бухгалтерские книги, поговорил с матерью и управляющим, вернулся домой и велел Люси собирать вещи. Они переезжают в Хартфорд. Какие бы сожаления ни испытывал Оливер, отказываясь от авиастроительного завода и Нью-Йорка, он отбросил их по дороге в Хартфорд и никогда не делился ими ни с Паттерсоном, ни с Люси, ни с кем-то другим. Люси упаковала материалы для диссертации, работу над которой она уже никогда не завершит, позавтракала на прощание в ресторане с исследователем одноклеточных морских растений, заперла квартиру и отправилась вслед за мужем в большой дом Краунов в Хартфорде, где Оливер родился, вырос и который он пытался покинуть.

Паттерсон эгоистично обрадовался соседству Люси и Оливера. Они были тем центром веселья и светской жизни, каким никогда не могла стать семья Паттерсона; на правах семейного доктора и старого друга Сэм три-четыре раза в неделю навещал Краунов, обедал у них, присутствовал на всех вечеринках, выступая в роли не только врача Тони, но и названного дяди, доверенного лица, советчика (только для Люси – Оливер никогда ни с кем не советовался), они вместе строили планы на отпуска и уик-энды, играли в бридж, философствовали у камина. Дом Краунов притягивал к себе многие блестящие молодые пары, и за их обеденным столом Паттерсон в разные годы познакомился с двумя хорошенькими женщинами, с которыми он впоследствии имел романы.

Паттерсон не знал, известно ли Краунам об этих двух его связях, а также о других, неизбежных в их кругу в двадцатые годы. Крауны сами не сплетничали и не поощряли сплетен знакомых и в то время не интересовались никем, кроме самих себя. Это было нетипично для Оливера, до брака слывшего достойным товарищем летчиков и других жизнерадостных прожигателей жизни, с которыми он вернулся с войны. С каждым годом его преданность жене, лишенная налета сентиментальности и скуки, лишь росла; спокойное доверие Оливера к Люси порождало в Паттерсоне, как тот ни гнал от себя подобные мысли, сознание пустоты и бесцельности своего брака.

Что касалось Люси, переезд в маленький городок, поглощенность ребенком сделали ее внешне более взрослой и раскованной, и только в редкие моменты, на многочисленных вечеринках, когда Оливер снова становился душой общества, а ей не доставало внимания, к Паттерсону возвращалось прежнее ощущение того, что она в этом браке только гостя, а не полноправная партнерша.

У них был только один ребенок. Сообразительный, симпатичный, хорошо воспитанный мальчик страдал лишь одним недостатком, обусловленным отсутствием братьев и сестер, – излишней болезненной привязанностью к матери. Если он возвращался из школы и не застал дома мать, бегающую по магазинам, он ждал Люси, сидя на кровати и названивая многочисленным знакомым, у которых она могла задержаться. Его серьезный детский голосок, произносящий: «Здравствуйте, это Тони Краун. У вас нет моей мамы? Извините. Нет, ничего не случилось», звучал в телефонных трубках десятка квартир. Оливер, которому, естественно, не нравилась привычка сына, снисходительно-раздраженно прозвал его «телефонистом».

Паттерсон уверял, что появление братьев или сестер избавит Тони от его странностей, но почему-то Люси больше не беременела, и к тому времени, когда Тони исполнилось десять лет, его родители оставили надежду завести второго ребенка.

Позже Паттерсон считал эти годы лучшими в своей жизни – конечно, не только из-за дружбы с Краунами. Паттерсон тогда вставал на ноги, перед ним открывались новые горизонты. Но гостеприимство Краунов, их радушие, близость с Оливером, застенчивая теплота Люси, привязанность Тони, вдвойне ценная для бездетного доктора, создавали яркий фон, оттеняющий радость деловых успехов Паттерсона. Его чувство к Люси, которое время от времени, только наедине с собой, и то с усмешкой, он называл любовью, вспыхивало приятными тайными надеждами в те моменты, когда он, стоя перед их дверью, нажимал кнопку звонка.

Сидя в «бьюике», державшем комфортные пятьдесят миль в час среди воскресного потока машин, Паттерсон посмотрел на Оливера. «Любопытно, что бы он сказал, если бы узнал, о чем я думаю. Как хорошо, что нам не дано читать мысли друзей».

– Сэм... – произнес Оливер, не отрывая глаз от дороги.

– Да.

– Ты думаешь, тебе удастся выбраться на озеро еще раз за лето?

– Я постараюсь, – ответил Паттерсон.

– Можешь сделать мне одолжение?

– Какое?

– Оставь миссис Уэлс дома, – попросил Оливер.

– Ты о чем это... – начал было Паттерсон, неумело разыгрывая удивление.

Оливер улыбнулся.

– Послушай, Сэм... – мягко сказал он.

Паттерсон засмеялся.

– О'кей, – произнес он. – Прощайте, миссис Уэлс.

– Мне-то что, – сказал Оливер, – но Люси уже кинула камешек в твой огород.

– Ах, Люси, – промолвил Паттерсон.

Он почувствовал нарастающую волну смущения и понял, что в это лето больше не придет на озеро, ни с миссис Уэлс, ни без нее.

– Добровольное общество жен, – сказал Оливер, – встает на защиту своих членов.

Они молча проехали несколько миль. Затем Оливер снова заговорил:

– Сэм, как тебе этот парень? Баннер?

– То, что надо, – отозвался Паттерсон. – Думаю, он принесет Тони пользу.

– Если не сбежит, – сказал Оливер.

– Что ты имеешь в виду?

– Люси устроит ему сладкую жизнь, – усмехнулся Оливер. – Ручаюсь, через неделю она напишет, что парень едва не утопил Тони или научил его ругаться, и ей пришлось его уволить. – Оливер покачал головой. – Господи, какое трудное дело – воспитывать единственного ребенка. И к тому же больного. Иногда, когда я смотрю на него и думаю о том, каким он станет, когда вырастет, меня охватывает дрожь.

– Нормальный вырастет парень, – сказал Паттерсон, заступаясь за Тони, хотя в душе он разделял опасения Оливера. – Зря волнуешься.

Оливер только хмыкнул в ответ.

– Чего ты ждешь? – спросил Паттерсон. – Тебе нужны гарантии, что он станет губернатором этого штата или чемпионом мира по боксу в тяжелом весе? Что ты от него ждешь?

– Нет, – после минутного раздумья сказал Оливер, снижая скорость, – я не хочу, чтобы он сделал нечто выдающееся.

Оливер усмехнулся.

– Пусть он будет просто счастлив.

– Не беспокойся, – сказал Паттерсон, – имея таких родителей, он будет счастлив. Это семейное свойство.

Оливер улыбнулся, и Паттерсон заметил в улыбке друга иронию и горечь.

– Я рад, что ты так считаешь, – сказал Оливер.

«Откуда в нем это? – подумал Паттерсон, внезапно вспомнив осенившую его несколько часов назад на лужайке мысль о том, что Оливер разочарован жизнью. – Имея все, он не чувствует себя счастливым. Чего еще он ждет от судьбы?»

Глава пятая

Спустя неделю Люси написала Оливеру, что Баннер – сущая находка. Молодой человек завоевал расположение Тони, терпеливо уступив мальчику инициативу в их сближении. Баннер очень забавен, писала она, он искусно не позволяет Тони переутомляться. Он умеет развлечь Тони даже в дождливые дни.

К концу второй недели Люси уже не знала, что ей писать мужу, – к этому времени Джеф объяснился ей в любви.

Сначала она посмеялась над его словами, преднамеренно разыгрывая роль удивленной взрослой женщины, чего ей никогда не приходилось делать раньше. Поначалу она решила рассказать об этом Оливеру и попросить у него совета, как себя вести, но испугалась его насмешек и передумала. Затем она снисходительно позволила юноше поцеловать ее – пусть сам увидит, как мало это значит для них обоих, потом Люси поняла, что не станет писать Оливеру.

Следующие три дня ей удавалось не оставаться с Джефом наедине, и раз десять она едва не сказала, что ему лучше уйти, но все же и этого она не сделала.

Люси относилась к числу тех женщин, что обретают невинность в браке. На редкость привлекательная, Люси не сознавала в полной мере всей силы воздействия своей красоты на мужчин, и ее кажущаяся неприступность удерживала многих от попыток ухаживания.

Единственным примечательным исключением был случай с Сэмом Паттерсоном, когда он, изрядно выпив и оказавшись вдвоем с ней на террасе загородного клуба, обнял ее; она не сопротивлялась, на мгновение ошибочно приняв дружескую симпатию к нему за влюбленность.

– Люси, дорогая, – прошептал он, – я хочу тебе кое-что сказать, я...

По его тону Люси догадалась, что именно хочет сказать ей Сэм, и решила: лучше ей этого не слышать.

Она выскользнула из его объятий, добродушно рассмеялась и спросила:

– Ну-ка, Сэм, признайся, сколько рюмок ты сегодня опрокинул?

Он посмотрел на нее пристыженно, оскорбленно, почти трагически.

– Алкоголь тут ни при чем, – сказал Паттерсон, повернулся и ушел в клуб, а она подумала – это же Сэм, все знают его штучки; войдя, она стала, забавляясь, считать женщин, с которыми у Сэма Паттерсона были романы; о трех Люси знала точно, о двух других – почти наверняка и об одном догадывалась. Она никогда не говорила Оливеру об эпизоде на террасе, ему бы он не понравился, они перестали бы видеться с Паттерсоном, и все бы от этого только проиграли. Паттерсон никогда не упоминал о том вечере, она – тоже, он канул в Лету, их совместной жизни с Оливером шел тогда только пятый год, и теперь ей казалось, что его вовсе не было.

Верность Люси питалась не столько моральной установкой, сколько соединением любви, благодарности и страха перед мужем. Она считала, что Оливер спас ее от неуверенности в себе, мучившей Люси в юности, и память об этом много лет почти автоматически сдерживала мимолетные чувства, которые порой вызывали в ней другие мужчины.

Несмотря на врожденную галантность, по своей неопытности Джеф не умел сразу оценить степень доступности того или иного объекта. Привлекательный внешне, он держался поначалу на удивление скромно и неожиданно для Люси выпалил свое признание, когда они отдыхали на лужайке после ленча, во время дневного сна Тони, составлявшего обязательную часть его режима.

К полудню над озером воцарилось безмолвие, утренний ветер стих, насекомые, казалось, задремали. Люси, в цветастом бумажном платье, сидела, прислонившись к дереву и скрестив лодыжки; раскрытая книга лежала у нее на коленях обложкой кверху. Джеф опустился на одно колено в нескольких футах от нее, как футболист, отдыхающий во время короткой остановки

игры. Пожевывая травинку, он время от времени срывал новый клеверный лист, изучал его, а затем бросал на землю. В тени деревьев веяло прохладой, и Люси, кожа которой еще хранила память о свежести утренней воды, ощущала, что сейчас она переживает тот восхитительный миг, который хочется задержать на вечность.

Джеф был в линялых джинсах и белой футболке без воротничка, с короткими рукавами. На фоне блестящей зелени его кожа цвета красного дерева выгодно оттенялась белизной ткани. Когда Джеф срывал очередной листок, Люси видела, как мягко натягиваются сухожилия под темной кожей его гладкого мускулистого предплечья. Босые худые ступни Джефа, загоревшие слабее других частей тела, казались Люси по-детски трогательными. «За эти годы, – подумала Люси, – я забыла, как выглядят юноши».

Джеф склонился над клевером, зажатым в руке.

– Всю жизнь, – сказал он, – я провел в безуспешных поисках.

– Чего? – спросила Люси.

– Клевера с четырьмя листиками. – Он отбросил растение. – Вы полагаете, это важно – найти его?

– Исключительно важно, – сказала Люси.

– Я тоже так считаю, – заявил Джеф и точным, экономным движением опустился на землю, прижав колени друг к другу.

«Какая тонкая, гибкая талия у юношей», – подумала Люси. Она тряхнула головой, взяла роман и уставилась на страницу.

– «Неудачи преследовали их, – прочитала она вслух. – В Арле было полно комаров, а когда они приехали в Каркассонн, оказалось, там отключили на день горячую воду».

– Я хочу знать ваши условия, – заявил Джеф.

– Я читаю.

– Почему вы избегаете меня последние три дня? – спросил Джеф.

– Мне не терпится узнать, чем кончится книга, – сказала Люси. – Богатая, молодая и красивая пара путешествует по Европе, и их брак рушится на глазах.

– Я задал вопрос.

– Ты был когда-нибудь в Арле?

– Нет, – ответил Джеф. – Я нигде не был. Вы хотели бы поехать в Арль со мной?

Люси перевернула страницу.

– Поэтому-то я и избегала тебя три дня, – призналась она. – Если ты будешь продолжать в том же духе, я действительно решу, что тебе лучше нас покинуть.

Но уже произнося эти слова, она отдавала себе отчет в том, что думает: «Ну разве не чудесно, сидя под этим деревом, услышать, как молодой человек безрассудно спрашивает, хочу ли я поехать с ним в Арль?»

– Я вам кое-что поведаю о вас, – сказал Джеф.

– Я пытаюсь читать, – сказала Люси. – Будь вежлив.

– Вы позволяете уничтожать себя... – начал Джеф.

– Что?

– ...вашему мужу, – продолжил он и поднялся на ноги. – Он придушил вас, связал и упрятал в сундук.

– Ты сам не понимаешь, что мелешь, – сказала Люси с особым негодованием, потому что иногда она обвиняла Оливера практически теми же словами. – Ты едва его знаешь.

– Я знаю его, – возразил Джеф. – Мне знаком этот тип. У моего отца десяток таких друзей, я видел их дома с рождения. Самоуверенные безгрешные сладкоголосые аристократы, всезнающие хозяева жизни.

– Ты не имеешь и малейшего представления о том, о чем говоришь, – сказала Люси.

– Не имею?

Джеф начал нервно расхаживать перед ней.

– Я наблюдал за вами весь прошлый август. Я сидел за вами в кино, стоял возле фонтанчика с содовой, когда вы покупали мороженое. Делал вид, что выбираю журнал в книжной лавке, когда вы приходили за новой книгой. Трижды за день проплывал мимо вашего коттеджа. Я не спускал с вас глаз, – возбужденно проговорил он. – Почему, вы думаете, я приехал сюда этим летом?

– Тсс, не так громко, – попросила Люси.

– Ничто не ускользнуло от моего взора, – взволнованно заявил он. – Ничто. Неужели вы не замечали меня?

– Нет, – сказала Люси.

– Вот видите! – торжествуя воскликнул Джеф, словно выиграл очко. – Он надел вам шоры. Слепил вас! Вы смотрите на мир его холодными бесстрастными глазами.

– Ну, положим, – рассудительно сказала Люси, надеясь успокоить юношу, – я не вижу ничего удивительного в том, что замужняя женщина моего возраста не замечает девятнадцатилетнего мальчишку.

– Не называйте меня девятнадцатилетним мальчишкой, – рассердился Джеф, – а себя замужней женщиной вашего возраста!

– С тобой действительно очень трудно, – сказала Люси и снова взялась за книгу. – Теперь я все-таки буду читать, – твердо добавила она.

– Пожалуйста, читайте.

Джеф скрестил руки на груди и посмотрел на Люси.

– Мне безразлично, слушаете вы меня или нет. Я все равно скажу то, что считаю нужным сказать. Я наблюдал за вами, потому что вы – самая восхитительная женщина, какую я видел в жизни...

– «После Каркассонна, – чистым мелодичным голосом начала читать вслух Люси, – их задержал ливень; они решили, что Испания в любом случае нагонит на них скуку, и повернули на север в сторону...»

Со стоном Джеф наклонился, схватил книгу и швырнул ее на край лужайки.

– Довольно, – сказала Люси, поднимаясь. – С меня хватит. Одно дело – забавный легкомысленный мальчишка, совсем другое – грубый самоуверенный нахал... Теперь, пожалуйста, уходи.

Джеф посмотрел на нее, стиснув зубы.

– Извините меня, – произнес он глухим голосом. – Я вовсе не самоуверен. Я самый неуверенный в себе человек в мире. Просто я вспоминаю вкус ваших губ, и...

– Ты должен забыть это, – сухо попросила она. – Я позволила тебе поцеловать меня, потому что ты кланчил, как ребенок, для меня это было все равно что поцеловать племянника перед сном.

Произнося эти слова, Люси мысленно похвалила себя за то, как умно она держит себя с Баннером.

– Не говорите неправду, – прошептал он. – Делайте что хотите, только не говорите неправду.

– Я попросила тебя уйти.

Джеф бросил на нее горящий взгляд. «Кто бы нас сейчас ни увидел, – подумала Люси, – наверняка бы решил, что этот парень секунду назад сказал, что ненавидит меня лютой ненавистью». Внезапно Джеф повернулся и, расправив плечи, зашагал босиком к тому месту, где валялась книга. Он поднял ее, разгладил смятую страницу и медленно вернулся к дереву.

– Вот ваша книга, – сказал он. – Да, я безумец. Соглашаюсь с вами во всем.

Он улыбнулся Люси, следя за ее реакцией.

– Я даже признаю, что прошлым летом мне действительно исполнилось девятнадцать лет. Я забуду все, что вы просите меня забыть. Я уже не помню, как называл вас самой восхитительной женщиной; Оливером Крауном я всегда восторгался как образцовым мужем. И главное, я не помню, как целовал вас. Я преисполнен восточного самоотречения и обещаю сохранить его до Дня труда³.

Он ждал, когда она улыбнется, но Люси не сдавалась. Она отыскивала потерянное место в книге.

– Я смирен, как червяк, – сказал Джеф, внимательно глядя на Люси, – почтителен, как дворецкий миллионера, беспол, как семидесятилетний евнух из турецкого дома для престарелых... Ну, – торжествуя замечил он, – вы засмеялись.

– Ладно, – сказала Люси, усаживаясь на землю. – Можешь оставаться. При одном условии.

– Каком? – настороженно спросил Джеф.

– Ты должен обещать не говорить серьезно.

– Обещаю быть настолько фривольным, – произнес он, – что маленькие дети в отвращении побегут от меня прочь.

На дальнем берегу запел горн, и Джеф, словно по сигналу, резко, размашисто отдал честь, по-военному четко повернулся на пятках и произнес:

– Теперь я покидаю вас. Отныне я посвящу свою жизнь поискам четырехлистного клевера.

Он медленно отошел от Люси и, опустив голову, стал методично разглядывать траву на лужайке, периодически останавливаясь, чтобы сорвать новое растение. Люси сидела, прислонившись к дереву, с полузакрытыми глазами, ощущая присутствие юноши на залитой солнцем лужайке, за которой блестело солнце и тонули в полуденном мареве холмы.

³ Праздник, отмечаемый в США в первый понедельник сентября.

Глава шестая

– Послушай, Люси, ты должна вспомнить, куда ты его положила, – устало и терпеливо говорил Оливер по телефону, и Люси, как всегда в подобных случаях, охватила частичная амнезия – она знала, что Оливер пытается скрыть свое раздражение. – Напряги память.

– Я точно помню, – сказала Люси, – как клала все счета в ящик моего стола.

Она чувствовала, что голос ее звучит по-детски упрямо, но ничего не могла с собой поделать.

Люси стояла у аппарата в гостиной коттеджа и смотрела на Тони и Джефа, которые играли в шахматы, сидя за большим столом под абажуром в центре комнаты. Они оба сосредоточились, склонив головы над доской. Тони ужасно хотелось выиграть, а Джеф деликатно старался делать вид, что не слышит, как Люси в шести футах от него разговаривает с мужем.

– Люси, дорогая, – тем же утомленным и сдержанным голосом продолжал Оливер, – я дважды перерыл твой стол. Его там нет. Я нашел счета за 1932 год, рецепт ухи, приглашения на свадьбу знакомых, которые уже три года как развелись, – но счета из гаража там нет. Повторяю, – медленно произнес Оливер тоном, способным вывести собеседника из равновесия, – счета из гаража там нет.

Она едва не расплакалась. Когда Оливер упрекал жену в небрежности, с какой она обращалась со счетами, у Люси появлялось тягостное ощущение, что современный мир слишком сложен для нее, что кто-то заходит в их квартиру, когда там никого нет, и нарочно перекладывает бумаги с места на место, что Оливер считает ее идиоткой и сожалеет о своей женитьбе на ней. Не будь рядом Тони и Джефа, она бы разревелась, и Оливер, смягчившись, сказал бы: «Ну и Бог с ним. Не так уж это важно. Я все улажу».

Но, хотя она видела – молодежь уткнулась в доску, Люси не могла заплакать. Она могла лишь сказать: «Я помню, что оплатила их. Твердо помню».

– Дженкинс говорит, что нет, – возразил Оливер.

Дженкинс был хозяином гаража, Люси презирала его за умение мгновенно переходить от наисердечнейшей приветливости к надоедливому брюзжанию, стоило кому-то не внести деньги до пятого числа каждого месяца.

– Кому из нас двоих ты больше веришь? – спросила Люси. – Дженкинсу или мне?

– Но в чековой книжке тоже нет отметки об уплате, – сказал Оливер, и настойчивость в тихом, далеком голосе мужа едва не довела Люси до истерики. – Сегодня, когда я подъехал заправиться, он выразил свое недовольство, а я не могу найти счет. Очень неловко себя чувствуешь, Люси, когда к тебе подходит человек и говорит, что ты задолжал ему семьдесят долларов за три месяца.

– Мы правда заплатили, – упрямо сказала Люси, не помня ничего.

– Люси, повторяю, нужен счет.

– Что ты от меня хочешь?! – не сдержавшись, закричала Люси. – Чтобы я примчалась и начала искать сама? Я могу приехать завтра утренним поездом.

Джеф быстро посмотрел в ее сторону и снова уткнулся в доску.

– Гарде, – предупредил он Тони.

– У меня блестящий план, – сказал Тони. – Смотри.

– Нет, не надо, – устало произнес Оливер. – Я с ним сам разберусь. Забудь.

Услышав это «забудь», Люси поняла, что ей вынесен приговор, очередной маленький безжалостный вердикт.

– Как вы там? – спросил Оливер сухим тоном, наказывая жену. – Как Тони?

– Играет в шахматы с Джефом, – ответила Люси. – Хочешь поговорить с ним?

– Да, пожалуйста.

Люси положила трубку рядом с аппаратом.

– Твой отец хочет поговорить с тобой, Тони, – сказала она и, услышав: «Привет, папа», покинула гостиную.

Выходя на веранду, Люси ощутила на себе взгляд Джефа, наверняка заметившего ее скованность и унижение.

– Мы сегодня видели оленя, – сообщил отцу Тони. – Он спустился к озеру, чтобы попить.

Люси пошла по лужайке к берегу, она не хотела больше говорить с мужем. Вечер был теплым, полная луна светила сквозь легкую молочную пелену, поднимавшуюся над озером. В лагере зазвучал горн. Каждый вечер горнист устраивал небольшой концерт. Сегодня он превосходно исполнял сигналы французской кавалерии, и непривычная быстрая музыка придавала размытым, порой тонушим в тумане берегам незнакомый и печальный вид.

От воды веяло прохладой. Люси стояла, обхватив себя руками, и под действием лунного света и пения горна ее раздражение переходило в жалость к самой себе.

Она услышала за спиной шаги, но не обернулась, и когда Джеф обнял ее сзади, она почувствовала себя не женщиной, преследуемой мужчиной, а ребенком, которому покровительствует взрослый. Когда Люси повернулась лицом к Джефу и он поцеловал ее, это чувство сменилось иным, но все равно Люси казалось, что ее сначала ранили, а теперь снимают боль. Гладкие и сильные руки с нежной настойчивостью ласкали обнаженную спину Люси. Она повернула голову в сторону, оставаясь в его объятиях, и уткнулась в плечо Джефа.

– О Господи, – прошептал он и взял Люси рукой за подбородок, пытаясь приподнять его, но Люси только сильнее прижалась щекой к фланелевой рубашке юноши.

– Нет, – сказала она. – Нет, не надо...

– Позже, – прошептал он. – Я один в домике. Сестра на неделю уехала в город.

– Перестань.

– Я так хорошо себя вел, – сказал Джеф. – Люси, я больше не могу...

– Мама!.. – высоким детским голосом закричал Тони из окна. Люси вырвалась и побежала по траве.

– Да, Тони, – ответила она, поднимаясь на крыльцо.

– Папа спрашивает, ты не хочешь с ним еще поговорить?

Люси остановилась, схватившись за столб крыльца и пытаясь выровнять дыхание.

– Нет, если только он не хочет сообщить мне что-то важное, – ответила она в распахнутое окно.

– Мама говорит нет, если только ты не хочешь сообщить ей что-то важное, – сказал Тони в трубку.

Люси застыла в ожидании. После непродолжительного молчания Тони произнес:

– Ладно, папа. Пока.

Она услышала звук опускаемой трубки. Тони высунул голову в окно, подняв занавеску.

– Мама, – позвал он.

– Я здесь, – отозвалась она с крыльца.

– Папа просил передать тебе, чтобы ты не ждала его на выходные, к нему приедет человек из Детройта.

– Хорошо, Тони, – сказала она, заметив в лунном свете Джефа, приближающегося к дому. – А теперь, если ты собираешься спать на воздухе, стели постель.

– Мы еще не закончили, – сказал Тони. – У меня выигрышная позиция.

– Отложите партию до утра. За ночь твоя позиция не ухудшится.

– Лады, – согласился Тони и скрылся в комнате, с шумом роняя занавеску.

Джеф поднялся на крыльцо и остановился перед Люси. Он протянул к ней руки, но она отошла от него и зажгла лампу, стоящую на плетеном столике рядом с диваном-качалкой, на котором собирался спать Тони.

– Люси, – прошептал Джеф, следуя за ней. – Не убегайте.

– Ничего не было, – сказала она и судорожно засунула рубашку Тони, к которой она пришивала днем пуговицу, в корзинку со швейными принадлежностями. – Ничего не было. Забудь это. Я прошу тебя. Забудь.

– Никогда, – произнес Джеф, стоя возле нее. Он поднял руку Люси и коснулся ее губами. – Твои губы...

Стон, вырвавшийся из горла Люси, поразил ее. Она почувствовала, что теряет контроль над своими движениями, жестах, голосом.

– Нет, – сказала Люси и бросилась мимо Джефа, кусая зубами тыльную сторону ладони. На веранду вышел Тони, нагруженный постельным бельем, и свалил его на диван.

– Слушай, Джеф, – сказал он, – не смотри до утра на доску.

– Что? Что ты говоришь? – Джеф медленно повернулся к мальчику.

– Чтобы все было честно, – сказал Тони. – Обещаешь?

– Обещаю, – ответил Джеф.

Он натянуто улыбнулся Тони, поднял телескоп, лежащий под стулом, и начал увлеченно полировать его стеклами рукавом своей рубашки.

Люси наблюдала за тем, как сын расстилает на диване-качалке простыни и одеяло.

– Ты уверен, что хочешь сегодня спать здесь? – спросила она, подумав: «Материнские обязанности вернут мне силу». – Не замерзнешь?

– Тут не холодно, – радостно сказал Тони. – Миллионы людей спят летом на воздухе, правда, Джеф?

– Миллионы, – подтвердил Джеф, полируя линзы.

Он сидел, склонив голову, и Люси не видела его лица.

– Солдаты, охотники, альпинисты, – перечислил Тони. – Я напишу папе, чтобы он привез мне спальный мешок. Тогда я смогу спать даже на снегу.

– Тебе представится множество удобных случаев, – сказал Джеф.

Он встал, и Люси заметила на его спокойном лице привычное выражение дружеской насмешливой снисходительности, какую он обычно проявлял к Тони.

«Мне надо быть с ним осторожней, – подумала Люси. – Он меняется слишком быстро. У молодых людей не только талия гибка».

– Множество удобных случаев, – легкомысленным тоном повторил Джеф. – Например, во время двенадцатой мировой войны.

– Это не смешно, – резко сказала Люси.

Она повернулась и стала помогать Тони.

– Извините, – сказал Джеф. – Во время пятнадцатой мировой войны.

– Не сердись на него, мама, – попросил Тони. – Мы условились, что он будет говорить со мной так, будто мне двадцать лет.

– Мировых войн больше не будет, – сказала Люси.

Мысль о войне внушала ей страх, она отказывалась читать сообщения из Испании, где уже год шли сражения, и никогда не позволяла мужу покупать Тони оловянных солдатиков или духовые ружья. Люси относилась бы к войне спокойнее, если бы кто-то мог дать ей гарантию, что она разразится тогда, когда Тони будет слишком мал или слишком стар, чтобы в ней участвовать. Она считала, что патриотом быть легче, имея многодетную семью.

– Найди другую тему, – сказала она сыну.

– Найди другую тему, Тони, – послушно повторил Джеф.

– Ты видел сегодня луну, Джеф? – спросил Тони. – Она почти круглая. Можно всю ее рассмотреть.

– Луна, – мечтательно произнес Джеф.

Он лег на пол веранды, зажав коленями спинку перевернутого стула и, используя поперечину между ножками в качестве опоры для телескопа, стал разглядывать небо.

– Что ты делаешь? – настороженно спросила Люси.

– Этому меня научил Тони, – отозвался Джеф, регулируя телескоп. – Надо обеспечить неподвижное поле зрения, верно, Тони?

– Иначе, – сказал Тони, стеля постель, – звезды размажутся.

– А размазанные звезды нам не нужны. – Джеф повернул окуляр на четверть оборота. – Посмотрите на неразмазанную луну, – лекторским тоном произнес он. – Прекрасное место для любителей путешествий. Можно переплыть в каменной ладье Mare Crisium... Как это по-английски, Тони?

– Море Кризисов, – без запинки ответил Тони.

– Море Кризисов, – повторил Джеф. – И на холодной мертвой луне...

«Не мог он тогда говорить всерьез, если сейчас так дурачится с Тони, – подумала Люси с неприязнью, – он просто закидывал удочку...»

– А южнее, – сказал Джеф, – более приятное место. Mare Fecunditas.

– Море Плодородия, – быстро перевел Тони.

– Мы окунем тебя в него разочка два-три для верности, – усмехнулся Джеф, по-прежнему лежа на спине и изучая в телескоп звезды.

– Джеф, – предостерегающе произнесла Люси.

– Море Спокойствия, озеро Сновидений, – будто не слыша ее, продолжал Джеф, глубоким юношеским голосом извлекая из произносимых с легким приятным бостонским акцентом слов космическую музыку.

– Может быть, луна – то самое место, куда стоит перебраться в этот век. Ты когда родился, Тони?

– Двадцать шестого марта, – ответил мальчик, по-больничному тщательно подворачивая свисающие края одеяла и простыни «конвертом».

– Овен, – сказал Джеф; он опустил телескоп и откинул голову на деревянный пол. Потом Джеф закрыл глаза, словно ждал какого-то видения, знака свыше, вслушивался в неземную музыку.

– Баран, двурогое небесное животное. Ты знаешь, Тони, как он оказался среди звезд?

– Ты веришь в эту чепуху?

Тони перестал стелить постель и уставился на Джефа.

– Я верю во все, – проникновенным торжественным голосом сказал Джеф, не открывая глаз. – Я верю в знаки Зодиака, в удачу, в переселение душ, в человеческие жертвоприношения и тайную дипломатию.

– Приносить людей в жертву, – недоверчиво сказал Тони. – Неужели это было на самом деле?

– Конечно, – ответил Джеф.

– В какие времена? – скептически спросил Тони.

– До половины четвертого вчерашнего дня. Это единственный вид жертвоприношений, в котором есть смысл, – уточнил Джеф. – Обожди, пока сам не совершишь его два-три раза, и ты поймешь меня.

– Ладно, Джеф, хватит, – сказала Люси, подумав: «Он нарочно провоцирует меня, из мести». – Тони, не отвлекайся.

– Фрикс и Гелла, – произнес Джеф, не слыша Люси, – дети царя Тессалеи, страдали от притеснений мачехи...

– Это имеет воспитательное значение? – спросила Люси, решив не выдавать своих чувств.

– Огромное, – заверил Джеф.

– Как звали мачеху? – спросил Тони.

– Это узнаешь в следующий раз, – сказал Джеф. – Меркурий, сжалившись над братом и сестрой, послал золоторунного барана, чтобы тот помог им бежать. Баран усадил их себе на спину и помчался по небу; все шло благополучно, пока они не достигли пролива, отделяющего Европу от Азии. Тут Гелла упала и утонула в море, и с тех пор пролив называется Геллес-понт. Когда Фрикс достиг Колхиды, он, исполненный благодарности, принес барана в жертву, а Юпитер вознес несчастное животное на небо в награду за услугу, оказанную им детям царя...

Люси с любопытством посмотрела на Джефа.

– Ты знал все это до встречи с Тони? – спросила она.

– Ни слова, – сказал Джеф. – Дома я провожу над книгами все ночи, чтобы Тони считал меня умнейшим из смертных.

Он улыбнулся.

– Я хочу, чтобы отныне все другие учителя только разочаровывали его, чтобы он приобрел отвращение к школе и никогда больше их не слушал. Уж эту малость я могу для него сделать.

Он неожиданно сел, лицо его сделалось открытым, доверчивым, в искренних глазах отсвечивала лампа.

– Тони, – попросил он мальчика, – покажи маме, как ты дышишь в воде.

– Вот так, – сказал Тони, опустив голову и делая руками гребок. – Взмах, раз, два, три, четыре, вдох!

Он повернул голову вбок, приоткрыл рот так, будто часть его осталась под водой, и с шумом втянул воздух.

– Неужели нельзя дышать более эстетично? – спросила Люси и подумала: «Опасность миновала, все приходит в норму».

– Нельзя, – сказал Джеф, – этому я его научил. – Поджав ноги по-турецки, он обратился к Тони: – Как ты считаешь, оправдываю я те деньги, что твой отец платит мне?

– Почти, – поддразнивая его, сказал Тони.

– Соври немного в следующем письме, – попросил Джеф. – Во имя нашей дружбы.

Он поднялся с пола, держа телескоп в руке, затем поднес его к глазу и стал рассматривать Тони с расстояния в десять футов.

– Ты начнешь бриться, – торжественно объявил он, – ровно через три года, два месяца и четырнадцать дней.

Тони засмеялся и потер подбородок.

– Молодой человек, позвольте задать вам один вопрос. – Джеф подошел к дивану и привалился плечом к цепи, на которой тот висел; диван покачнулся. – Вы хотели бы после Дня труда вернуться в город вместе со мной, чтобы я мог за зиму немного просветить вас?

– Ты можешь это сделать?

Люси видела, что идея пришлась Тони по душе.

– Стели постель, Тони, – резко сказала она. – Джеф шутит. Осенью он вернется в колледж и пробудет там до следующего лета.

– Каникулы имеют один недостаток, – сказал Тони. – Чем ближе конец, тем быстрее летят дни. Я правда увижу тебя зимой, Джеф?

– Конечно, – сказал Джеф. – Попроси маму привезти тебя в Дартмут. Сходим вместе на футбол, на зимний карнавал.

– Мама, мы поедем?

– Возможно, – уклончиво ответила Люси, не желая, чтобы это звучало как обещание. – Если Джеф не забудет пригласить нас.

– Завтра, Тони, я разрежу себе руку и напишу приглашение кровью. Мы нажмем тайные кнопки и добьемся избрания твоей мамы Королевой карнавала, ее сфотографируют на

большом снежном коме, и все станут восклицать: «Боже мой, такого в Нью-Хэмпшире еще не бывало».

Люси смущенно посмотрела на Тони. Будь мальчик годом старше, подумала она, он бы что-то понял. Может, и сейчас...

– Прекрати, – сказала она Джефу, рискуя насторожить Тони. – Не смейся надо мной.

– Я над вами вовсе не смеюсь, – медленно произнес Джеф.

Он вышел на крыльцо и посмотрел на небо в телескоп.

– Марс, – взволнованно произнес он глубоким голосом. – Мрачная, красноватая, немерцающая планета. Это твоя планета, Тони, ты ведь Овен. Марс покровительствует убийцам и воинам. Становись солдатом, Тони, ты возьмешь сотни городов и к двадцати трем годам будешь по меньшей мере генерал-полковником.

– Серьезно, Джеф, – сказала Люси, – хватит болтать чепуху.

– Чепуху? – удивленно произнес Джеф. – Тони, ты тоже считаешь, это чепуха?

– Да, – рассудительно ответил Тони. – Но чепуха забавная.

– Люди пять тысяч лет вверяли свои судьбы звездам. Цари Египта... – сказал Джеф. – Люси, – по-мальчишески озорным тоном перебил он себя, – вы когда родились?

– Много лет назад.

– Тони, когда у твоей мамы день рождения?

– Двадцать пятого августа.

Тони это увлекло, он умоляюще посмотрел на мать.

– Двадцать пятое августа, – повторил Джеф. – Знак Девы. Дева...

– Мама... – Тони бросил на мать вопросительный взгляд.

– Я тебе потом объясню.

– В долине Евфрата, – быстро, по-лекторски бесстрастно заговорил Джеф, – Дева отождествлялась с Венерой, печальной и прекрасной покровительницей влюбленных. Ваша планета – яркий Меркурий, постоянно обращенный к Солнцу одной стороной, на ней всегда жара, зато на другой – вечная стужа. Люди, родившиеся под знаком Девы, застенчивы, они боятся собственного блеска.

– Послушай, – сказала Люси, чувствуя, что он заходит слишком далеко, – где ты набрался этой чуши?

– Из «Книги звезд» мадам Вечи, – усмехаясь, пояснил Джеф. – Продается за тридцать пять центов в любой книжной лавке или аптеке. Родившиеся под знаком Девы стремятся к чистоте и порядку, они предрасположены к язве желудка. В любви они страстны и высоко ценят верность.

– А как насчет тебя? – почти враждебно, с вызовом перебила его Люси, забыв о Тони. – Что говорит твой гороскоп?

– О... – Джеф опустил трубу и покачал головой. – Это чересчур грустно. Мои звезды не помогают мне. – Он печально указал рукой на небо. – Они подмигивают мне оттуда и твердят: «Никаких шансов. Ну никаких». Я хочу вести за собой, а они настаивают – иди следом. Хочу действовать решительно, а они предостерегают об опасности. Хочу многого добиться, а они утешают: возможно, в другой жизни. Я мечтаю о любви – они предрекают несчастье. Я родился под чужим знаком.

На гравийной дорожке, ведущей к крыльцу, послышались шаги, и мгновение спустя Люси увидела девочку в голубых джинсах и свободном свитере. В первый момент Люси не узнала ее, но потом поняла, что это дочь миссис Никерсон, с которой она познакомилась днем в гостинице. Тони замер и уставился на нее.

– Привет, – поздоровалась девочка, поднимаясь на крыльцо.

У нее была рано сформировавшаяся фигура, голубые джинсы туго обтягивали крепкие бедра. Люси с раздражением отметила, что несколько прядей у нее на голове высветлены.

– Привет, – повторила девочка; она встала, широко расставив ноги и засунув руки в карманы джинсов. Без тени смущения на лице, с самообладанием укротительницы диких зверей гостя обвела взглядом веранду. – Меня зовут Сьюзен Никерсон, – представилась она; закрыв глаза, можно было с уверенностью сказать, что этот голос принадлежит взрослой, к тому же довольно неприятной женщине. – Нас познакомили сегодня днем.

– Конечно, Сьюзен, – сказала Люси. – Это мой сын Тони.

– Очень рада, – сухо произнесла Сьюзен. – Я много о тебе слышала.

Джеф скорчил гримасу.

– Миссис Краун, мама послала меня узнать, – сказала Сьюзен, – не хотите ли вы сыграть сегодня в бридж, нам нужен четвертый.

Джеф украдкой посмотрел на Люси, затем наклонился и поднял стул, который лежал на веранде.

Люси задумалась. Она представила себе гостиничную веранду с томящимися на ней сезонными вдовами.

– В другой раз, Сьюзен, – сказала она. – Поблагодари маму за приглашение. Сегодня я устала и хочу пораньше лечь спать.

– Хорошо, – равнодушно произнесла Сьюзен.

– Бридж, – заметил Джеф, – отбросил эту страну назад еще дальше, чем «сухой закон».

Сьюзен холодно, изучающе посмотрела на Баннера. Ее бесстрастные блестящие голубые глаза напоминали никелевые монетки.

– Я о тебе кое-что знаю, – сообщила она.

Сьюзен обладала даром произносить самые безобидные слова как обвинение. Люси, отметив это свойство, подумала, что оно пригодится, если девочка когда-нибудь поступит на службу в полицию.

Джеф засмеялся.

– Наверное, будет лучше, если это останется при тебе, Сьюзен, – заметил он.

– Ты учишься в Дартмуте, – сказала она. – Моя мама находит, что ты красив.

Джеф серьезно кивнул головой, соглашаясь с мамой девочки.

– А ты сама как считаешь? – спросил он.

– Ты ничего.

Она неопределенно повела округлыми плечами, скрытыми под свободным свитером.

– В кино, однако, тебя сниматься не пригласят.

– Этого я и сам боюсь, – сказал Джеф. – Ты здесь надолго?

– Надеюсь, нет, – ответила девочка. – В Неваде мне больше нравится.

– Почему? – спросил Джеф.

– Там всегда что-то происходит, – сказала Сьюзен. – Здесь скучно. Не та возрастная группа. Даже фильмы тут крутят только по выходным. Что вы делаете вечерами?

– Мы изучаем звезды, – сказал Тони, не спуская с нее очарованного взгляда.

– Хм, – произнесла Сьюзен.

Ответ Тони не произвел на нее впечатления.

Ей не больше четырнадцати, с удивлением и неприязнью подумала Люси, но держится она так, словно привлечь ее интерес больше чем на пять минут могут только крайние формы порока.

Тони подошел к Сьюзен и протянул ей телескоп:

– Хочешь посмотреть?

Сьюзен снова пожала плечами:

– Не очень.

Но она все же взяла трубу и вялым движением поднесла ее к глазу.

– Ты когда-нибудь смотрела в телескоп? – спросил Тони.

– Нет, – ответила Сьюзен.

– В этот можно разглядеть горы на луне, – похвастался Тони.

Девочка неодобрительно, критически посмотрела на луну.

– Понравилось? – тоном хозяина луны спросил Тони.

– Ничего, – сказала Сьюзен, возвращая трубу. – Луна как луна.

У Джефа вырвался короткий смешок, и Сьюзен смерила его своим полицейским взглядом.

– Ну, – сказала она, – мне пора. Мама ждет ответа.

Девочка с непринужденностью махнула рукой, словно благословляя всех.

– Пока, – сказала она.

– До завтра, – вымолвил Тони, и его стремление скрыть волнение вызвало у Люси прилив жалости.

– Может быть, – усталым голосом произнесла Сьюзен.

«Бедный Тони, – подумала Люси. – Первая девочка, на которую он обратил внимание».

– Рада была с вами познакомиться, – сказала Сьюзен. – Ну, пока.

Они посмотрели ей вслед. Сьюзен шла по дорожке, ее ягодички, обтянутые плотной тканью, напоминали два туго накачанных мяча.

Когда девочка скрылась за углом дома, Джеф театрально передернул плечами.

– Уверен, ее мать – та еще штучка, – заявил он. – Могу высказать три догадки, зачем эта дама прошлым летом ездила в Неваду.

– Не сплетничай, – сказала Люси. – Тони, сколько можно возиться?

Тони с трудом вернулся в мир взрослых.

– Смешно она выглядит в брюках, правда? Немного тяжеловато.

– Иногда, Тони, они тяжелеют прямо на глазах, – сказал Джеф.

У Люси еще было свежо в памяти нескрываемое пренебрежение Сьюзен к сыну. Шутка Джефа смутила ее. «В другой вечер, – подумала она, сердясь на Джефа, – я бы улыбнулась. Но не сегодня».

– Тони, – сказала она, – укладывайся. Надень пижаму. И не забудь почистить зубы.

Тони не спеша направился в комнату.

– Джеф, – сказал он, – ты мне считаешь, когда я лягу?

– Обязательно.

– Сегодня я сама тебечитаю, – почти автоматически возразила Люси.

– Мне больше нравится, как читает Джеф. – Тони остановился у двери. – Он пропускает описания.

– У Джефа сегодня был трудный день, – настаивала Люси, жалея, что начала спор, но не собираясь уступать. – У него, вероятно, свидание или другие дела.

– Нет, – начал Джеф, – я...

– В любом случае, Тони, – приказным тоном, который не был характерен для нее, особенно в разговорах с сыном, сказала Люси, – иди надень пижаму. Быстро.

– Хорошо, – обиженно сказал Тони. – Я не хотел...

– А ну живо! – закричала Люси на грани истерики.

Немного испуганный Тони ушел в комнату. Люси заметалась по веранде, она сложила в стопку разбросанные журналы, закрыла корзинку с шитьем, положила телескоп на стул возле дивана, чувствуя пристальный взгляд Джефа, который что-то напевал себе под нос.

Она остановилась перед ним. Джеф прислонился к столбу на крыльце, голова его была в тени, и только слабый блеск выдавал расположение глаз.

– Мне не нравится, как ты ведешь себя при Тони, – сказала она.

– При Тони?

Удивленный, Джеф выпрямился и подошел к лампе.

– Почему? Я держусь естественно.

– При детях нельзя держаться естественно, – сказала Люси, сознавая, что голос ее звучит напряженно и фальшиво. – Это недопустимо. Твои скользкие шуточки. Твое притворство...

– Какое притворство?

– Что ты любишь его, – сказала Люси. – Что вы в самом деле ровесники. Что ты хочешь встретиться с ним зимой.

– Но это правда, – возразил Джеф.

– Не лги мне. Ко Дню благодарения ты забудешь его имя. Ты вселяешь в него массу надежд... а осенью Тони будет страдать. Выполняй свою работу, – сказала она, – и все.

– Насколько я понимаю, – сказал Джеф, – мне поручено сделать так, чтобы Тони почувствовал себя нормальным, здоровым человеком.

– Ты чрезмерно привязал его к себе.

– Послушайте, Люси... – сердито сказал Джеф.

– Зачем? Для чего? – почти кричала Люси. – Из тщеславия? Неужели это так приятно – видеть, как тянется к тебе одинокий больной мальчик? Неужели это стоит подобных ухищрений? Знак Барана, море Плодородия, жертвоприношения, Дева, зимний карнавал... – Она задыхалась, словно после длительной пробежки, фразы вырывались сквозь рыдания. – Почему ты не идешь к себе? Почему не оставишь нас в покое?

Джеф взял ее за кисти рук, она не попыталась освободиться.

– Вы правда этого хотите? – спросил он.

– Да, – ответила Люси. – У тебя не тот возраст. Ты слишком взрослый для Тони и слишком юн для меня. Найди себе ровесницу. – Она вырвалась резким движением. – Кого-нибудь, кому ты не причинишь боли, – продолжала она, – партнера на лето, которого ты забудешь в сентябре точно так же, как ты забудешь нас.

– Люси, – прошептал он. – Прекратите.

– Уходи.

Она едва не плакала.

Он снова схватил ее, на этот раз за предплечья, вдавливая пальцы в кожу.

– А мне, думаете, каково? – сказал он приглушенным голосом, чтобы его не услышал Тони. – Проводить все дни рядом с вами? Возвращаться к себе и лежать без сна, вспоминая прикосновение вашей руки в тот момент, когда я помог вам выбраться из лодки, шуршание вашего платья, когда вы прошли мимо меня к обеденному столу, ваш смех... и не иметь возможности дотронуться до вас, сказать вам... Боль! – неистово прошептал он. – Не говорите мне о боли!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.